

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия
Литургические исследования

Бронзов А.А.

**О ПАСХАЛЬНОМ
«ОГЛАСИТЕЛЬНОМ» СЛОВЕ
СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА**

Христианское чтение, 1897, II, с. 411–447

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

О ПАСХАЛЬНОМЪ „ОГЛАСИТЕЛЬНОМЪ СЛОВѢ“

св. Іоанна Златоуста.

(Общедоступное разъясненіе заключающагося въ немъ смысла и нѣсколько „историческихъ“ данныхъ и соображеній, имѣющихъ прямое отношеніе къ „слову“).

БЕЗСПОРНО, нѣтъ другого проповѣдническаго «слова», которое было бы такъ общеизвѣстно въ средѣ нашего православнаго русскаго народа, какъ общеизвѣстно въ ней вышеназванное. Почему это—такъ, понятно безъ труда, если принять во вниманіе, что «огласительное слово» св. Іоанна Златоуста читается въ храмѣ во время богослуженія и, при томъ, не въ какой-либо другой день, а въ первый день св. Пасхи (въ концѣ пасхальной утрени), когда всѣ—и старый, и малый, и здоровый, и даже немощный, и богатый, и бѣдный, и наслаждающійся земными благами, счастьемъ, и лишенный тѣхъ благъ, удрученный горемъ и невзгодами—неудержимо стремятся въ Божию «церковь», забывая обо всемъ, кромѣ того, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ «свѣтлому Христову воскресенію».

Общій смыслъ даннаго огласительнаго слова, его, такъ сказать, «духъ», несомнѣнно, понятенъ каждому, сколько-нибудь знакомому съ сущностью праздника св. Пасхи, съ исторіей и значеніемъ земной жизни Богочеловѣка. Но въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ «слово» не совсѣмъ понятно для многихъ. Отчасти недоумѣваютъ предъ тѣми или иными его мѣстами даже и лица, отъ которыхъ этого, повидимому, меньше всего можно было бы ожидать. Сознаваясь въ этомъ чистосердечно, они просятъ объ общедоступномъ разъясненіи

пасхальнаго слова. Настоящая статья и написана въ удовлетвореніе одной изъ такихъ просьбъ.

Въ виду спеціальнаго назначенія статьи, которая должна быть вполне удобопонятна всѣмъ читателямъ «Христіанскаго Чтенія», «филологическій» разборъ пасхальнаго слова нами естественно будетъ оставленъ въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что освѣщеніе послѣдняго въ этомъ отношеніи уже сдѣлано въ прекрасной статьѣ о. М. И. Орлова, помѣщенной въ этомъ-же журналѣ ¹⁾. Наше вниманіе будетъ обращено на выясненіе догматическаго и нравственнаго смысла «слова», послѣ чего будетъ сдѣлано нами и нѣсколько замѣчаній историческаго характера.

I.

Въ пасхальномъ огласительномъ словѣ св. Іоанна Златоуста кратко, но въ высшей степени выразительно раскрывается и выясняется великое значеніе воскресенія Господа нашего Иисуса Христа изъ мертвыхъ. Чтобы понять это значеніе, мы должны нѣсколько напомнить о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя вызвали собою искупительную дѣятельность Спасителя; ипаче сказать: должны намѣтить общій ходъ жизни человѣка за до-христіанскій періодъ.

Все, сотворенное Богомъ, было *весьма хорошо* (Быт. I, 31). Таковъ же, слѣдовательно, былъ и человѣкъ. Онъ вполне отвѣчалъ своему назначенію: все въ немъ являлось совершеннымъ въ необходимой степени. Въ частности, онъ сотворенъ по образу и подобію Божію (Быт. I, 27; V, 1). Тѣло его было создано изъ праха земнаго, а душа была *вдунута* Богомъ (Быт. II, 7). Затѣмъ изъ ребра Адамова сотворена Богомъ Ева (Быт. II, 22). Тѣло прародителей, какъ состоявшее изъ матеріи, само по себѣ, конечно, не было безсмертно. Правда, ему была присуща *крѣпость* (I. Сир. XVII, 3), оно не знало *бользней* (ср. Быт. III, 16), но безсмертнымъ оно могло стать только по «божественной благодати, орудіемъ которой было древо жизни» ²⁾ (сравни. Быт. III, 22). Между

¹⁾ Христ. чт. 1896 г. мартъ—апрѣль: „Пасхальное огласительное поученіе (анализъ содержанія съ сравнительно-филологическимъ разборомъ текста приписываемаго св. І. Златоусту поученія)“. Стр. 482—506.

²⁾ М. Макарій: „Руков. къ изучен. христ. правосл.-догматическаго богословія“. Москва. 1888 г.; стр. 108.

тѣмъ *древо познанія добра и зла* являлось орудіемъ смерти (Быт. II, 17). Если бы прародители исполнили данную имъ Богомъ заповѣдь о невкушеніи отъ плодовъ послѣдняго рода дерева (Быт. II, 17), то они, конечно, не умерли бы тѣлесно. Заповѣдь Божія, такимъ образомъ, опредѣляла ту область, въ которой свобода человѣка могла развиваться, укрѣпляться, совершенствоваться. Душа, въ силу ея происхожденія, бессмертна. Она предназначена Богомъ къ безконечному развитію и усовершенствованію. Умъ первозданнаго человѣка обладалъ нормальною ясностью, что проявилось въ извѣстномъ фактѣ нареченія человѣкомъ именъ *всѣмъ скотамъ и птицамъ небеснымъ и всѣмъ зѣбрямъ полевымъ* (Быт. II, 20). Надъ этими и вообще надъ всѣмъ матеріальнымъ міромъ человѣкъ былъ поставленъ въ качествѣ царя (Быт. I, 28). Внутренній міръ человѣка находился въ состояніи полной гармоніи и равновѣсія; ничто грѣховное не возмущало его: созданный *правымъ* (Еккл. VII, 30), первый человѣкъ такимъ пока и оставался. Наиболѣе сильнымъ показателемъ чистоты и невинности прародителей являлось то, что *оба они были наги*, и, однако, нагота эта не возбуждала въ нихъ никакихъ грѣховныхъ волненій, возбужденій, вожделѣній; чувство *стыда* имъ было незнакомо (Быт. II, 25)...

Если бы человѣкъ, поселенный Создателемъ въ рай (Быт. II, 8), всегда оставался вѣрнымъ своему назначенію, ни разу не пытался уклониться со своего пути въ сторону, тогда его нравственная жизнь, правильно развиваясь, укрѣплялась бы все болѣе и болѣе,—тогда, въ частности, его нравственная свобода изъ состоянія формальной (т. е. такой, когда человѣкъ съ одною и тою-же легкостію можетъ рѣшаться и на добрый, и на дурной поступокъ), какою она была создана Творцемъ, перешла бы въ состояніе реально-доброй и затѣмъ въ концѣ концовъ — въ состояніе идеально-доброй, нравственный законъ постоянно оставался бы во всей своей чистотѣ и силѣ, равно какъ и чувство долга, совѣсть вполнѣ отвѣчала бы своему назначенію — служить орудіемъ того закона. Физическая жизнь человѣка, при тѣхъ же условіяхъ, текла бы нормально, являясь прекрасною почвою, на которой развивалась бы и укрѣплялась бы жизнь духовная, нравственная. Такъ продолжалось бы дѣло въ безконечность, потому что вкушеніе плодовъ *древа жизни* обезпечило бы человѣку, его тѣлу бессмертіе (ср. выше).

Естественно было ожидать, что, падѣленный отъ Бога всякаго рода благами, человѣкъ будетъ отвѣчать своему Создателю неподдѣльною любовію, а ужъ тѣмъ болѣе проявить къ Нему чувство справедливости. Затѣмъ, въ виду происхожденія жены (Быт. II, 21, 22, 23), она и Адамъ являлись *одною плотью* (—24). Очевидно, ихъ взаимныя отношенія должны были управляться любовью: любя жену, Адамъ любилъ себя. Какъ *образъ Божій*, человѣкъ по божественному примѣру долженъ былъ и проявлять свое владычествованіе надъ подчиненнымъ ему матеріальнымъ міромъ, не подчиняясь ему, изъ положенія господина не переходя въ положеніе слуги. Вотъ—тѣ существенные моменты, какими намѣчалось основное и общее поведеніе первозданнаго человѣка.

Но послѣдній повелѣлъ себя совсѣмъ иначе. вмѣсто того, чтобы исполнять Божію заповѣдь (см. выше), прародители, повѣривъ искусителю, дѣлаются ослушниками воли Создателя. Забыто все, чѣмъ они были обязаны Творцу; забыты чувства справедливости и любви къ Нему. Внутренняя имъ искусителемъ мысль о возможности сдѣлаться, *какъ боги, знающими добро и зло* (Быт. III, 5),—мысль весьма соблазнительная,—вмѣсто тѣхъ чувствъ возбуждаетъ въ нихъ чувство эгоистическое, и они вкушаютъ запрещенный плодъ. Любовь Адама къ женѣ исчезаетъ предъ тѣмъ же эгоизмомъ. Чтобы оправдать себя предъ Богомъ, Адамъ спокойно ссылается на свою жену, какъ его соблазнительницу (—12), при чемъ дерзаетъ бросить косвенный упрекъ даже Самому Творцу: *жена, говоритъ онъ, которую Ты мнѣ далъ* (*ibid*)... Прельстившись видомъ *дерева, показавшагося прародительницѣ хорошимъ для пищи, приятнымъ для глазъ и возделаннымъ* (—6), первые люди оказались не господами чувственнаго міра, а его рабами. Словомъ, прародители пали. Эгоистическимъ и чувственнымъ началами были оттѣснены начала любви, справедливости и господства надъ всѣмъ матеріальнымъ.

Слѣдствія грѣхонадеія прародителей были ужасны. Прежде всего, у прародителей *открылись глаза* и они *узнали, что наги* (III, 7). Нравственное чувство впервые заявило о поведеніи первыхъ людей недобрительно; дотолѣ добрая, теперь сказалась *злою* ихъ совѣсть. Они поняли, что злоупотребили своею свободою, совершивъ поступокъ, несогласный съ коренившимся въ нихъ нравственнымъ закономъ. Отсюда въ нихъ явилось чувство страха, боязнь наказанія отъ Бога

за поправленіе Его воли. Желая избѣжать наказанія, они обнаружили и иное слѣдствіе своего грѣхопаденія. Прежняя ясность ихъ ума исчезла. Иначе они не предприняли бы попытки скрыться отъ всевидящаго и вездѣсущаго Бога (III, 8); не подумали бы, вмѣсто откровеннаго признанія, стараться оправдывать себя предъ всевѣдущимъ Творцомъ (—12. 13)... Нераскаяшность прародителей въ столь важномъ преступленіи была настолько сильна, что они подверглись величайшему наказанію. Женѣ предназначено *въ болѣзни рождать дѣтей* и быть въ подчиненіи у мужа (—16); Адаму — *со скорбію питаться отъ «проклятой» земли, имѣющей произращать только терніе и волцы...* (—17. 18), не смотря на всѣ его труды (—19. 23). Обоимъ предназначено умереть тѣлесно (—19). Отсюда они были изгнаны изъ райскаго жилища (—23. 24), чтобы не вкусили плодовъ *древа жизни* и не сдѣлались, на горе себѣ, бессмертными тѣлесно (—22).

Дальнѣйшая исторія ветхозавѣтнаго человѣчества свидѣтельствуешь, что заявившія о себѣ въ раю эгоистическое и чувственное начала постепенно какъ бы срослись съ существомъ человѣка. Припомнимъ всѣмъ извѣстную исторію Каина и Авеля (Быт. IV), исторію потомковъ кайновыхъ (IV, 23. 24...). Все человѣчество стало *плотью* (VI, 3), какъ именно подпавшее власти тѣхъ началъ. Люди думали только о *злѣ* (—5). Послѣ потопа, смывшаго съ лица земли грѣшное человѣчество (VII, 21—23), осталось одно семейство благочестиваго Ноя (—23). Но слѣдствія прародительскаго грѣха оставались въ прежней силѣ. И теперь *отъ юности помысленіе сердца человѣческаго—зло...* (VIII, 21). Даже *зачать я, говорить прор. Давидъ, въ беззаконіяхъ, и во грѣхъ родила меня мати моя* (Псал. I, 7) (ср. отчасти Исаи I, 4—6; V, 20 и др. Іов. XIV, 4 и др.)... И съ окончаніемъ ветхозавѣтныхъ временъ нравственное и пр. состояніе человѣка не измѣнилось. Да и почему было ему измѣниться? *Рожденное отъ плоти—плоть* (Іоан. III, 6). Плоть—противоположность духа, плотской, ветхій человѣкъ противоположенъ духовному. Плотской человѣкъ не покоряется божественному закону; онъ и не въ состояніи покоряться (Римл. VIII, 7). Какъ такой, онъ—врагъ Божій (*ibid.*); не угождая Богу, онъ угождаетъ закону грѣховному и *проданъ грѣху* *ib.*: 8. — VII, 25. 14). Служеніе ветхаго человѣка (VI, 6) грѣховному закону, плоти проявляется и въ *плотскихъ по-*

мысленіяхъ, которыя суть смерть... (VIII, 6), и въ плотскихъ дѣлахъ, каковы: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, (соблазны), ереси, ненависть, убійства, пьянство, безчинство и тому подобное (Гал. V, 19. 20. 21)... Словомъ, получается тоже, что мы видѣли и въ ветхозавѣтномъ человѣкѣ. Но, если за все разсмотрѣнное время царствовала въ человѣческомъ мѣрѣ нравственная, духовная смерть, то это же, разумѣется, надлежитъ сказать и о смерти тѣлесной, что въ разъясненіяхъ уже не пуждается. Не говоримъ уже, при этомъ, о твари, которая изъ-за грѣха прародителей нашихъ покорилась суетѣ, рабству и тлѣнію... (Римл. VIII, 19—23): ея царь палъ, съ его паденіемъ онъ потерялъ свою власть надъ тварію, сталъ относиться къ ней ненормально, подобныя же отношенія встрѣчая и отъ нея и проч.

И такъ, адъ (т. е. діаволъ съ его воинствомъ, сатана и его демоны) вовлекъ первозданныхъ людей въ грѣхъ. Грѣхъ же явился жаломъ смерти (1 Кор. XV, 56. 55), конечно, въ томъ смыслѣ, что только при его наличности послѣдняя, т. е. смерть, какъ мы уже видѣли выше, и вошла въ мѣръ (разумѣются, слѣдовательно, не одни только люди). Какъ однимъ человекомъ (т. е. первозданнымъ), говоритъ св. ап. Павелъ, грѣхъ вошелъ въ мѣръ (слѣдовательно, не бывший до толѣ въ послѣднемъ), и грѣхомъ смерть (результатъ грѣха и только грѣха, такъ какъ человѣкъ, по словамъ Премудраго (Прем. Сол. II, 23), созданъ Богомъ въ неистлѣніе); такъ и смерть (тѣлесная и нравственная, духовная) перешла во всѣхъ человековъ, и. ч. въ немъ всѣ (происшедшіе отъ него и унаслѣдовавшіе его качества) согрѣшили (Римл. V, 12). Такимъ образомъ, діаволъ, изъ-за ухищреній и коварства котораго смерть проникла въ мѣръ, является, такъ сказать, илѣющимъ державу смерти (Евр. II, 14). Словомъ, адъ одержалъ побѣду; діаволъ и его прислѣшники возликовали. Да и какъ не ликовать имъ? Послѣ своей побѣды адъ наполнился жертвами; сознавая свою силу и мощь, онъ пользовался полною свободою и проч. (ср. у св. I. Златоуста противоположенія: упразднися, поруганъ бысть, умертвися, низложися, связася, низвергся еси...). Но, если ликовалъ адъ, то на долю человѣка выпали только одно горе, только скорбь. Да и какъ было не скорбѣть человѣку? Куда бы ни

обратилъ онъ свой взоръ, вездѣ — гробы, вездѣ — смерть, вездѣ — тлѣніе...

Таково было положеніе человѣчества до прішествія на землю Сына Божія. Оно ясно предполагается и «словомъ» ¹⁾ св. І. Златоуста, говорящимъ объ избавленіи людей изъ *этого* ихъ состоянія.

Для спасенія человѣка, который своею силою не могъ освободиться отъ рабства грѣху, смерти, тлѣнію, отъ узъ адovýchъ, воплотился Богъ — Сынъ. Человѣкъ не имѣлъ достаточно яснаго и достаточно полнаго представленія о нравственномъ законѣ, воплощающемъ въ себѣ божественную волю. Богочеловѣкъ Своимъ ученіемъ сообщилъ ему это знаніе, сообщилъ ему и чистѣйшее понятіе о Богѣ и проч. Человѣку нуженъ былъ наглядный образецъ, взирая на который онъ легче могъ бы вести жизнь, согласную съ требованіями нравственного закона, жизнь нравственно-добрую. Богочеловѣкъ послужилъ для него такимъ образомомъ. Чтобы идти по правому пути, человѣкъ только долженъ стараться о воплощеніи въ себѣ *тѣхъ же чувствованій, какія были и во Христѣ Иисусѣ* (Филипп. II, 5). Но для порабощеннаго аду человѣка недостаточно было одного только знанія божественной воли, недостаточно было видѣть предъ собою только образецъ, показывающій ему исполненіе велѣній нравственного закона. Плѣненному грѣхомъ и смертью человѣку нужна была еще сила, при которой онъ могъ бы освободиться изъ плѣна и рабства и, освободившись, могъ бы затѣмъ преуспѣвать въ дѣлѣ нравственного усовершенствованія, согласно съ поступаніемъ его божественнаго и идеальнѣйшаго Образца. Господь далъ человѣку и эту силу, т. е., божественную благодать. Обращающагося къ Нему, т. е., раскаивающагося въ своей грѣховности и вѣрующаго въ Него, Господь оправдываетъ (т. е. «омываетъ и истребляетъ» въ немъ — вѣрующемъ — «первородный грѣхъ» въ таинствѣ крещенія, послѣ чего происходитъ «примиреніе человѣка съ Богомъ, и человѣку отверзается входъ въ царство небесное» ²⁾) и освящаетъ (т. е., да-

¹⁾ Ниже, при переводѣ и толкованіи „слова“, мы постоянно имѣли въ виду у себя *греческій* его текстъ, хотя приведенія греческихъ словъ и выраженій въ примѣчаніяхъ и пр. мы естественно избѣгали (главнымъ образомъ въ виду характера статьи и предполагаемыхъ ея читателей, а также и потому, что не видѣли ни малѣйшей надобности въ указанномъ приведеніи выдержекъ...).

²⁾ „Правосл. Исповѣданіе каволч. и апостольск. Церкви восточной“. 1 ч., отвѣтъ на 102-й вопр. (русск. изд. 1866 г.; Москва; стр. 62).

руеть върующему уже въ таинствѣ крещенія ¹⁾, по особенно въ слѣдующемъ за крещеніемъ таинствѣ миропомазанія «необходимыя благодатныя силы Духа Святаго, которыя бы служили для него и духовнымъ воздухомъ, и свѣтомъ, и при пособіи которыхъ онъ могъ бы не только поддерживать свою новую жизнь, но и постепенно укрѣпляться въ ней и возрастать» ²⁾. Человѣкъ становится уже *новой тварью* (2 Кор. V, 17); какъ возсозданный, *возрожденный* (въ указанныхъ двухъ таинствахъ); *сыномъ Божиимъ*, какъ *принявшій духа усыновленія* (Римл. VIII, 14—15), какъ *отъ Бога родившійся* (Іоан. I, 12—13); *храмомъ Божиимъ*, какъ сдѣланный жилищемъ *Духа Божія*, храмомъ святымъ (1 Кор. III, 16—17) и т. д. Словомъ, для человѣка сдѣлано Господомъ все, чтобы онъ — человѣкъ — могъ исполнять волю Божию и наследовать вѣчное спасеніе. Всѣ эти истины общеизвѣстны и не требуютъ дальнѣйшихъ разъясненій и болѣе подробнаго раскрытія.

Но что для человѣка служить ручательствомъ истинности ученія Христова? Чѣмъ человѣкъ можетъ убѣдиться въ томъ, что Христосъ — Богочеловѣкъ, что все Его дѣло — непреложная истина? Наиболѣе центральнымъ доказательствомъ истинности всего искупительнаго дѣла Христова является воскресеніе І. Христа изъ мертвыхъ. *Если Христосъ не воскресъ*, говоритъ св. ап. Павелъ, *то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша* (1 Кор. XV, 14; ср.—17); *поэтому и умершіе во Христа погибли* (—18); *и если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастные всѣхъ человѣковъ* (—19). *Но Христосъ воскресъ...* (—20). Истина воскресенія Христова настолько важна для христіанъ, что около нея въ христіанскомъ мірѣ сосредоточивается въ сущности все, — что только при ея наличности получаетъ смыслъ и само христіанство. Она — исходный пунктъ, она — пезыблемый краеугольный камень зданія христіанства, наиболѣе надежное его основаніе. Поэтому-то одинъ день въ каждой недѣлѣ посвящается христіанскою церковію воспоминанію и празднованію именно Христова воскресенія. Поэтому то ни одинъ христіанскій праздникъ не совершается съ такою торжественностью, не вызываетъ въ сердцахъ христіанъ

¹⁾ М. Макарій; цитов. соч.; стр. 246. 252 и т. д.

²⁾ Ibid.; стр. 253. Ср. „Правосл. Испов.“, ч. 1, отв. на 104-й вопр.

такихъ неописуемо радостныхъ чувствъ, какъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, праздникъ св. Пасхи.

Великое значеніе Христова воскресенія изъ мертвыхъ, кратко нами намѣченное, съ особенною силою и выразительностью и раскрывается въ пасхальномъ «словѣ» св. І. Златоуста.

Въ теченіи Своей земной жизни во плоти, Господь не разъ проявлялъ Свою божественную мощь по отношенію къ аду, къ его силамъ, исцѣляя бѣсноватыхъ и проч. Все это должно было говорить аду о предстоящемъ ему въ будущемъ окончательномъ его пораженіи и совершенной его гибели, что дѣйствительно потомъ и случилось. Господь пострадалъ и вкусилъ крестную смерть. Въ то время, какъ пречистое Тѣло Его лежало во гробѣ, Онъ *сошелъ во адъ* «душею и Божествомъ» ¹⁾. Утверждаемое св. І. Златоустомъ сошествіе Спасителя во адъ (*сошедый во адъ...; адъ срѣтъ Тя долъ...*) признается за непреложную истину и Словомъ Божиимъ (Дѣян. II, 27. 31. — I Петр. III, 18. 19. — Римл. X, 6. 7. — Ефес. IV, 9. 10...), и Св. Преданіемъ ²⁾. Зачѣмъ Господь сходилъ въ адовы глубины и основанія? Всѣ, кто умеръ до разсматриваемаго момента, находились въ аду: и нечестивцы, грѣшники, и благочестивые люди, праведники. Всѣ они томились въ *преисподнихъ мѣстахъ земли* (Ефес. IV, 9), гдѣ именно — область ветхозавѣтнаго ада, шеола. Прощедавъ Свое божественное ученіе живымъ людямъ, Господь восхотѣлъ возвѣститъ его и умершимъ, находившимся въ адовой темницѣ. «Нисходитъ Господь», по словамъ св. Иринея, «въ преисподнее земли, и тамъ возвѣщаетъ пришествіе Свое и отпущеніе грѣховъ тѣмъ, которые вѣрують въ Него; а увѣривали всѣ ожидавшіе Его, т. е., всѣ предвозвѣщавшіе пришествіе Его и служившіе распоряженіямъ Его, праведники, пророки и патріархи» ³⁾. Всѣ «ветхозавѣтные праведники» были выведены Господомъ изъ ада, исторгнуты изъ пасти послѣдняго. Что же касается изведенія Господомъ изъ ада и

¹⁾ „Правосл. Исповѣд.“, ч. I; отв. на 49-й вопр.

²⁾ Выдержки изъ твореній св. Иринея Л., Тертуліана, Климента Ал., Оригена, Лактанція, св. Епифанія, св. Василія Великаго, св. Григорія Богослова... можно читать, напр., у м. Макарія въ „Правосл. Догмат. Богословіи“ (т. III; Спб.; 1851; стр. 221—223).

³⁾ См. у Арх. Филарета въ „Правосл. Догмат. Богословіи“ (изд. 2-е; Черниг. 1865 г., ч. 2-я; стр. 160—161).

остальныхъ его «плѣнниковъ», то объ этомъ «гадательно, предположительно» высказывались лишь «нѣкоторые»¹⁾). Послѣ проповѣди Господней *находившимся въ адовой темницѣ душамъ* (1 Петр. III, 19; ср. ст. 20) и — изведенія изъ послѣдней ея плѣнниковъ, адъ оказался въ совершенно непривычномъ для него положеніи и видѣ. Это и рисуется св. Іоанномъ Златоустомъ. Адъ, который дотолѣ только самъ все захватывалъ и захватывалъ въ плѣнъ отовсюду и безвозвратно, самъ оказался въ положеніи *плѣнника* (*плѣни ада...*), стѣсненъ, наказанъ; плѣнники его выпущены на свободу, и онъ не въ силахъ оказать съ своей стороны какое-либо противодѣйствіе. Низшествованіе Господне во адъ *огорчило* его (*огорчи его..., адъ... огорчися*), что св. І. Златоустомъ отгнѣняется съ особеннымъ удареніемъ (слово «огорчися» повторяется шесть разъ). Дѣ и какъ оно могло не огорчить ада? Адъ *вкушалъ плоти* Господа. Если для ада, для діавола и его прислѣдниковъ было пріятно *вкушать плоти* обыкновенныхъ мертвецовъ, пріятно было захватывать послѣднихъ въ плѣнъ, дѣлать ихъ своею добычею и въ нѣкоторомъ (образномъ) смыслѣ пищею, то во сколько разъ пріятнѣе представлялось ему *вкушеніе плоти* умершаго Господа, Котораго адъ видѣлъ сходящимъ въ его глубины какъ бы по примѣру безчисленнаго множества умершихъ людей, начиная отъ времени Адама? Но ожиданія адовы не сбылись: *вкушеніе плоти* Господней произвело въ немъ не то ощущеніе, на какое онъ рассчитывалъ, а совершенно противоположное; адъ почувствовалъ лишь нѣчто весьма горькое; добыча ускользнула изъ его пасти. *Адъ утраднися*, т. е., истребленъ, раззоренъ; онъ подвергся поруганію (*поруганъ бысть*), посрамленію, такъ какъ конечный результатъ, какимъ сопровождалось его столкновеніе съ Низшедшимъ въ него, былъ для него крайне постыднымъ и позорнымъ, безусловно не соотвѣтствовавшимъ дотолѣ проявлявшейся его надменности и гордости. Гордый и надменный адъ *умерщвленъ* (*умертвися*). Онъ былъ первою причиною, изъ-за которой проникла въ человѣчскій міръ смерть; дотолѣ онъ, такимъ образомъ, умерщвлялъ другихъ; теперь же испыталъ на себѣ: что значить быть умерщвленнымъ; ядовитое жало его вырвано, и чрезъ то онъ потерялъ возможность оказывать прежнее зловерное воздѣйствіе

¹⁾ М. Макарій; *ibid.*; стр. 226. 223.

на людей; жизненность его, предшествовавшая теперешнему его мертвенному состоянію, имѣла свой полный смыслъ только подъ условіемъ возможности для него — ада — постоянно уловлять въ свои сѣти и крѣпко держать въ нихъ плѣнниковъ; эта возможность отнынѣ отнята, и чрезъ то жизненность ада смѣшилась мертвенностью. Адь отнынѣ *низложенъ* (*низложился*). Величіе его доселѣ было безгранично; его престоль былъ высокъ и превознесенъ; съ высоты послѣдняго диктовались людямъ предписанія, обыкновенно исполнявшіяся безъ возраженій. Господь, сошедшій въ адовы глубины, сокрушилъ адскій престоль, низринулъ съ него діавола; послѣдній пересталъ быть страшнымъ для человѣка, который теперь можетъ безопасно для себя игнорировать всѣ адовы велѣнія и приказанія; деспотическое господство ада надъ человѣкомъ прекратилось навсегда. Низвергнутый со своего высокаго трона адъ *связанъ* (*связся*) Низложившимъ его. Какъ связаннныи узами, какъ плѣнникъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, совершенно безопасенъ для окружающихъ его, хотя бы они дотолѣ и дрожали при одномъ видѣ его, такъ и адъ, оказавшійся послѣ сошествія Христова въ него въ подобномъ же положеніи, уже никому болѣе не внушаетъ ни малѣйшаго страха; его видъ скорѣе можетъ внушить лишь какъ разъ обратное чувство: могущество, какъ уже сказано, отнято у него, свобода дѣйствій отнынѣ уже не принадлежитъ ему, такъ что всякій можетъ смотрѣть дерзновенно прямо ему въ очи... Все вышеотмѣченное безмѣрно *огорчило* адъ. — Объ этомъ *огорченіи ада* предсказывалъ, по словамъ св. І. Златоуста, еще пророкъ Исаія: *и сіе предприемый Исаія возопи: адъ, глаголетъ, огорчися, срътъ тя долъ* (т. е. это прежде Исаія воскликнулъ: *адъ, говоритъ онъ, огорчился, встрѣтивъ Тебя въ преисподней*). Св. Отець, очевидно, имѣетъ въ виду у себя Исаіи XIV, 9: *адъ долъ огорчися, срътъ тя* и проч. Въ гл. XIII — XIV, 1 — 23 кн. пр. Исаіи содержится рѣчь пророка противъ вавилонянъ. Предсказавъ вавилонскому царю гибель, пророкъ, между прочимъ, говоритъ, что эта гибель такого могущественнаго царя привела въ движеніе самый адъ (олицетворяемый пророкомъ), что для встрѣчи царя адъ пробудилъ даже рефаимовъ¹⁾, всѣхъ вождей земли и языче-

¹⁾ По Lange (см. его „*Theologisch - homiletisches Bibelwerk*“), это — „слабья, безильныя, не имѣющія тѣла и тѣлесной силы тѣни“ умершихъ.

скихъ царей, которые въ данномъ случаѣ выражали свое удивленіе словами: и ты сдѣлался, подобно намъ, безсильнымъ (XIV, 9 — 10) и т. д. Св. І. Златоустъ, минуя ближайшій смыслъ пророчества Исаи, относящагося къ участи вавилонскаго царя, къ погибели его царства (что случилось уже въ ветхозавѣтныя времена, какъ это всѣмъ, конечно, извѣстно), усматриваетъ исполненіе его въ періодъ новозавѣтный, въ моментъ сошествія Спасителя во адъ: подъ *тѣ* разумѣть Господа, а подъ *долъ* — адовы основанія, сошествіе въ которыя и *огорчило* адъ. Адъ былъ пораженъ рядомъ неожиданностей: онъ *принялъ тѣло*, а между тѣмъ *нашелъ* тутъ *Бога* (*пріялъ тѣло, и Богу приразился*), Бога, воплотившагося *ради насъ и ради нашего спасенія*, Богочеловѣка, пострадавшаго и умершаго за насъ; адъ *принялъ землю*, а между тѣмъ *встрѣтился съ небомъ* (*пріялъ землю, и срѣте небо*), — *принялъ тѣло*, составленное изъ праха земнаго, изъ земной персти, въ которую оно, повидимому, и должно было разрѣшиться, какъ это адъ наблюдалъ въ отношеніи къ другимъ тѣламъ, а между тѣмъ оказалось, что въ этой *земли* скрывается *небо*, точнѣе: Самъ Богъ, имѣющій на небесахъ Свой престоль, Самъ Богъ, соблаговолившій сдѣлать Своимъ тропомъ человѣческое, состоящее изъ земли тѣло, воспринятое Имъ отъ Пресвятой и Пречистой Матери Его — Дѣвы Маріи; адъ *принялъ то, что видѣлъ*, а между тѣмъ *впалъ въ то, чего не видѣлъ* (*пріялъ, еже видѣше, и спадѣ во еже не видѣше*), — онъ *принялъ то, что доступно воспріятію вѣшнихъ чувствъ* и, прежде всего, чувства зрѣнія — Тѣло Господне, а между тѣмъ въ Немъ оказалось то, что недоступно зрѣнію — именно Божество... Все это были моменты, какихъ адъ ни въ какомъ случаѣ не ожидалъ встрѣтить, не предполагалъ. Итакъ, адъ побѣжденъ. Справедливо св. І. Златоустъ могъ воскликнуть: *идѣ твоя, аде, побѣда?* Прежде адъ могъ говорить о ней и говорилъ кичливо и съ неприкрытою гордостью, но теперь обстоятельства измѣнились: какая бы-то ни было рѣчь объ адовой побѣдѣ уже безусловно немыслима.

Еще до Своихъ крестныхъ страданій и смерти Господь

(слав. „исполини“; LXX: „οὐ γίγαντες“; вульг.: „gigantes“). — Евр. „rahas“, по Штейнбергу (Евр.-русск. Словарь), значитъ: „волноваться“ (ср. русск. перев.: „пришелъ въ движеніе“), „заботливо беспокоиться“ (ср. слав. „огорчися“)..

много разъ наносилъ удары власти смерти, возвращая къ жизни умершихъ и, такимъ образомъ, исторгая изъ самыхъ устъ смерти ея жертвы. Это, конечно, должно было служить для смерти (т. е., для *имѣющаю ея державу*: Евр. II, 14) предуказаніемъ на приближавшійся конецъ ея господства, тѣмъ болѣе, что Господь воскрешалъ мертвыхъ Своею божественною силою, а не чѣмъ-либо постороннимъ могуществомъ, какъ то дѣлали, напр., нѣкоторые богоизбранныя лица. По самый рѣшительный и окончательный ударъ былъ нанесенъ смерти воскресеніемъ Самого Господа изъ мертвыхъ. Смерть оказалась не въ силахъ удержать въ своей власти умершаго Господа. *Одержимый ею*, Господь *угасилъ* уничтожилъ *ее*, положилъ ей конецъ (*угаси ю, иже отъ нея держимый*); сила ея предъ божественнымъ могуществомъ Господа погасла, какъ гаснетъ свѣтильникъ отъ дуновенія крѣпкаго вѣтра, и уже некому возжечь смертный факель, который возгорѣлся нѣкогда вслѣдствіе райскаго грѣхопаденія. *Христось, воскресши изъ мертвыхъ, уже не умираетъ: смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти* (Римл. VI, 9). Если сошествіе Господа во адъ сокрушило власть послѣдняго то воскресеніе Господне, такъ сказать, довершило адову гибель: *воскресъ Христось, и ты, адъ, низпровернута, низложенъ (воскресе Христось, и ты низвергся еси)*, поверженъ въ прахъ, изъ котораго уже никогда болѣе не возстать; *воскресъ Христось, и пали демоны (воскресе Христось, и падоша демоны)*: если сокрушенъ самъ адъ, если низложенъ онъ воскресеніемъ Господнимъ, то естественно подверглись той же плачевной участи и всѣ клеветы діавола, помогавшіе ему уловлять людей въ адовы смертныя сѣти. Но, если воскресеніе Спасителя принесло такое горе аду и его распорядителямъ и злымъ властителямъ, то св. ангеламъ Божиимъ оно доставило только одну неизглаголанную радость (*воскресе Христось, и радуются ангели*). Это и понятно. Если *дѣволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить* (1 Петр. V, 8), если онъ *уловляетъ неосторожныхъ въ свою волю* (2 Тимо. II, 26), если онъ *обомыцаетъ всю вселенную* (Апокал., XII, 9) и проч.; то, напротивъ, св. *ангелы посылаются Богомъ на служеніе для тѣхъ, которые имѣютъ насладоватъ спасеніе* (Евр. I, 14); св. ангелы содѣйствуютъ тому, чтобы *молитвы святыхъ* дошли до *Бога* (Апокал. VIII, 3, 4); около каждаго изъ насъ находится св. ангель-хранитель

(чит. Мо. XVIII, 10): «такъ какъ каждый крещающійся съ тѣмъ и присоединяется къ обществу вѣрующихъ, чтобы наслѣдовать вѣчное спасеніе; а силы человѣка слабы, то... назначастся ангелъ-хранитель для охраненія его на пути ко спасенію»... ¹⁾ Ясно, что изложеніе врага человѣческаго спасенія должно доставлять радость заботящимся о послѣднемъ св. ангеламъ, которую и отбѣняетъ въ своемъ «словѣ» св. І. Златоустъ. Впрочемъ, не одна отмѣченная нами причина возбуждаетъ радость св. ангеловъ. Конечно, въ еще большей степени они радуются потому, что созерцаютъ неизреченное прославленіе Господа, Его побѣду надъ адомъ и смертью, — созерцаютъ Его окруженнымъ тою славою, какая принадлежитъ Ему, какъ Богу. По воскресеніи Господнемъ, упразднившемъ смерть, естественно наступило царство жизни и только ея одной: *воскресъ Христосъ, и жизнь* вступаетъ въ свои права, она одна является владѣющею бытіемъ, какъ такимъ, она одна, такъ сказать, *живетъ (воскресе Христосъ, и жизнь жительствоуетъ)*. Разъ мы освобождены отъ власти смерти *смертью Спасителя* нашего, никто уже и не долженъ болѣе бояться смерти (*никтоже да убоится смерти, свободи бо насъ Спасова смерть*). Боязнь свидѣтельствовала бы о томъ, что мы не вѣримъ въ значеніе смерти и воскресенія Господнихъ, послѣ которыхъ осталось мѣсто только для одной жизни. Разумѣется, въ настоящемъ случаѣ не имѣется въ виду поступаніе человѣка, стоящее въ разногласіи съ требованіями божественнаго закона, которое опять дѣлаетъ насъ плѣнниками смерти... Итакъ, если послѣ сокрушенія власти и могущества ада можно было воскликнуть: *идъ твоя, адъ, побѣда* (см. выше)? то послѣ изложенія силы смерти воскресеніемъ Господнимъ въ такой же степени справедливо воскликнуть: *идъ твое, смерть, жало (идъ твое, смерти, жало)*? Разсматриваемое мѣсто въ «словѣ» св. І. Златоуста цѣликомъ взято изъ 1 Коринѣ. XV, 55 (здѣсь читаемъ: *«смерть! идъ твое жало? адъ! идъ твоя побѣда?»*). Самъ апостоль, въ свою очередь, пользуется словами пр. Осіи: XIII, 14 (... *«смерть! идъ твое жало? адъ! идъ твоя побѣда?»*). Въ книгѣ пр. Осіи, именно въ XIII — XIV₁, излагается преимуществу «судъ» Божій надъ Израилемъ за его грѣховное поведеніе, которымъ послѣдній подготовлялъ себѣ по-

¹⁾ *Арх. Филаретъ*; цитов. сочин. т. I; 1865 г.; Черниг.; стр. 273.

стыдную погибель. При противоположномъ же поступаніи онъ несомнѣнно былъ бы спасенъ Богомъ даже отъ власти ада, у котораго, такимъ образомъ, была бы отнята его побѣда,— изъ рукъ самой смерти, жало которой, такимъ образомъ, было бы также окончательно притуплено. Это случилось бы несомнѣнно: Господь не раскаивается въ Своихъ опредѣленіяхъ никогда... Къ сожалѣнію, Израиль не исправился и былъ, согласно пророчеству, наказанъ (4 Цар. XVII, 3—6). Св. ап. Павелъ беретъ пророческое изреченіе, чтобы указать въ немъ не ближайшій, а отдаленный, таинственный смыслъ. Говоря о будущемъ воскресеніи мертвыхъ, имѣющемъ наступить *при послѣдней трубѣ* (1 Кор. XV, 52), когда *тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе и смертное сіе облечется въ безсмертіе* (—54. 53), св. апостоль прибавляетъ: *тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть побѣдою* (Ис. XXV, 8). *Смерть! идѣ твое жало? адъ! идѣ твоя побѣда* (—54. 55)? Такимъ образомъ, по мысли св. апостола, послѣднее изреченіе, съ одной стороны, изъ кн. пр. Исаи (гдѣ собственно читаемъ нѣсколько иначе: «*поглощена будетъ смерть на вѣки*», отъ чего существо дѣла, впрочемъ, не терпитъ особой перемѣны), а съ другой, изъ кн. пр. Осіи вполне приложимо лишь къ событію всеобщаго воскресенія мертвыхъ, но оно приложимо прежде всего, конечно, къ событію воскресенія Христова, служащаго основаніемъ того событія и удостовѣряющаго несомнѣнность его въ будущемъ. Отсюда вполне уместно присутствіе разсматриваемаго нами апостольскаго изреченія (взятаго св. Павломъ у пр. Осіи) въ пасхальномъ «словѣ» св. І. Златоуста. Нынѣ, конечно, постоянно на нашихъ глазахъ похищаются тѣлесною смертію послѣдователи Господа, но это ничего не значить, не говоритъ ничего противъ высказанныхъ выше мыслей и положеній: всѣ, исповѣдующіе ученіе Христово, при звукахъ архангельской трубы побѣдоносно сбросятъ съ себя иго смертное, войдутъ въ Христово вѣчное царство, чѣмъ и убѣдятъ діавола, *имѣвшаго державу смерти* (Евр. II, 14), въ бесполезности и тщетѣ всѣхъ его усилій и стремленій по отношенію къ истиннымъ почитателямъ Господа нашего и Спасителя. Конечно, по слову св. апостола, *послѣдній врагъ—смерть—истребится* (1 Кор. XV, 26) лишь съ теченіемъ времени (—24. 25. 27. 28), т. е. одновременно съ окончаніемъ нынѣшняго земного строя и нынѣшняго порядка вещей, по могущество

смерти уже и нынѣ не то, чѣмъ оно было раньше—до смерти и воскресенія Спасителя нашего... *Воскресъ Христось, и во гробѣ нѣтъ ни одного мертваго, потому что Христось, воскресшій изъ мертвыхъ, явился первенцемъ изъ умершихъ* (1 Кор. XV, 20) (*воскресе Христось, и мертвый ни единъ во гробѣ: Христось бо вставъ отъ мертвыхъ, начатокъ усопшихъ бысть*). Что *во гробѣ нѣтъ ни одного мертваго*, это выраженіе св. І. Златоуста, разумѣется, слѣдуетъ понимать не въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ, а въ памѣченномъ выше, гдѣ мы говорили, что тѣлесная смерть и нынѣ похищаетъ жертву за жертвой, такъ что одинъ гробъ за другимъ непрерывно опускается въ землю, но—что пребываніе умершихъ во власти смерти—лишь временное—до звука архангельской трубы, когда діаволь—господинъ смерти—увидитъ, что послѣдователи Христовы, по своемъ воскресеніи, вступятъ въ обладаніе благами вѣчнаго Божія царства; тогда и въ буквальномъ смыслѣ не останется во гробѣ ни одного человѣка, такъ какъ воскресеніе коснется всѣхъ умершихъ (1 Кор. XV, 22), хотя дальнѣйшая ихъ участь, по ученію св. Церкви (чит. Мо. XXV, 46 и друг.), и неодинакова. Имѣя въ виду то обстоятельство, что съ воскресеніемъ Христовымъ явилось для насъ непрекаемое удостовѣреніе (сравн. Римл. VIII, 11) несомнѣнности и нашего будущаго воскресенія, св. І. Златоустъ и могъ уже теперь воскликнуть, что во гробѣ нѣтъ болѣе ни одного мертваго. Обосновывая свое положеніе, св. отецъ пользуется доказательствомъ, предлагаемымъ св. ап. Павломъ въ 1 Кор. XV, 20. Сказавъ (въ 19 ст.), что *если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастныя всѣхъ чловѣковъ*, св. апостоль сейчасъ же и опровергаетъ ложную мысль словами: *но Христось воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ* (—20). Конечно, возникаетъ при этомъ вопросъ: въ какомъ смыслѣ св. апостоль, а по его примѣру св. І. Златоустъ назвали Господа *первенцемъ изъ умершихъ*? Вѣдь и до Него умирали въ теченіи всего ветхозавѣтнаго періода всѣ (ср., впрочемъ, Быт. V, 24: объ Енохѣ и 1 Цар. II, 11—12: о пр. Иліи), начиная съ Адама и Евы. Почему *первенцемъ изъ умершихъ* не называется, напр., Авель, который, какъ извѣстно, вкусилъ смерть раньше всѣхъ другихъ людей (Быт. IV, 8)? Причина, очевидно, лежитъ въ томъ, что умершій Господь былъ не похожъ на всѣхъ, предшествовавшихъ Ему, мертвецовъ. Тогда

какъ они сходили въ гробы или безъ всякой надежды на будущее воскресеніе, или съ надеждой смутной, не достаточно ясной и проч., Господь явился *первымъ* умершимъ, почившимъ *лишь на нѣкоторое только время*, по истеченіи котораго Онъ и воскресъ, чтобы затѣмъ уже никогда болѣе не умирать (Римл. VI, 9), что было событіемъ безпримѣрнымъ, единственнымъ, первымъ въ исторіи человѣчества. Въ этомъ смыслѣ явившись *первенцемъ изъ умершихъ*, Онъ Своимъ воскресеніемъ обезпечилъ воскресеніе и всѣхъ остальныхъ, сдѣлавъ и ихъ умершими и умирающими не навсегда, а также на опредѣленный только срокъ, чѣмъ для нихъ служить конецъ пынѣшняго міра, имѣющей пастушить при второмъ пришествіи Господа на землю для суда надъ «живыми и мертвыми» (симв. вѣры). Помимо воскресенія Иисуса Христа, ничто другое не могло бы произвести такого порядка вещей. *Смерть*, говоритъ св. ап. Павелъ, явилась *чрезъ челоуѣка*. *Чрезъ челоуѣка*-же, продолжаетъ онъ, обезпечено и *воскресеніе мертвыхъ* (1 Кор. XV, 21). Здѣсь содержится разъясненіе положенія: почему Сыну Божію надлежало *во челоуѣчиться* для спасенія людей отъ смерти... И если *въ Адамъ*, грѣхъ котораго ввелъ въ міръ смерть, *умирають вст* его потомки, то *во Христѣ*, одержавшемъ побѣду надъ смертью, *вст оживутъ* (—22): *Христосъ*, какъ *Первенецъ*, воскресъ первый, а *потомъ* воскреснутъ *Христовы*, *въ пришествіе Его* (т. е., во второе: для суда; см. выше) (—23).

Итакъ, діаволь и демоны сокрушены и низложены; смерти положенъ конецъ. Но великое значеніе искупительнаго дѣла Христова этимъ не ограничилось. Смерть, какъ было говорено, есть слѣдствіе грѣха нашихъ прародителей. Надлежало устранить и грѣхъ—это ужасное бремя, давившее собою людей. Принесли Себя въ жертву за людей, Спаситель искупилъ ихъ не только отъ слѣдствій грѣха, но и отъ самого послѣдняго. О «покаяніи и вѣрѣ» (т. е., «обращеніи»), объ «оправданіи и освященіи» (т. е., «возрожденіи») челоуѣка уже было говорено, и возвращаться къ этому предмету уже не будемъ. Итакъ, благодаря искупительной жертвѣ Спасителя, значеніе которой подтверждено воскресеніемъ Его, грѣхъ для челоуѣка отнынѣ уже нисколько не страшень; всякій, желающій избавиться отъ него, можетъ достигнуть этого силою искупительныхъ заслугъ Спасителя; отнынѣ *никто да не плачетъ о своихъ прегрѣшеніяхъ* и преткновеніяхъ, *ибо изъ гроба*

Христово *возсіяло прощєніе* (*никтоже да плачетъ прегршєній, прощєніе бо отъ грѣба возсія*) для каждаго, кто только озабоченъ своими грѣхами и обращается ко Христу съ молитвою объ избавленіи отъ нихъ и о невмѣненіи ему въ вину уже раньше содѣланныхъ имъ. Отнынѣ все зависить отъ личнаго расположенія и настроенія человѣка, такъ какъ, если будетъ имѣть мѣсто нормальное въ христіанскомъ смыслѣ настроеніе и соотвѣтствующее послѣднему поступаніе субъекта, то остальное совершить божественная благодатная помощь.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ, совершивъ все, что намѣчено выше и, такимъ образомъ, оказавъ человѣку неисчислимыя благодѣянія, положилъ начало новому *царству*, не похожему на обыкновенныя земныя. Въ послѣднихъ неизбѣжно имѣеть мѣсто существованіе богатыхъ и бѣдныхъ; бѣдность часто влечетъ за собою различнаго рода житейскія затрудненія, доводящія бѣдняка до *рыданій* и проч. Христово царство не таково: оно—*царство общее*; здѣсь нѣтъ бѣдныхъ и богатыхъ, а есть одни лишь богатые; всякій, кто только является членомъ этого царства, получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточное для него духовное богатство, затѣмъ приумножая его своимъ правдивно-добрымъ поступаніемъ. Отсюда въ царствѣ Христовомъ *никто да не рыдаетъ изъ-за бѣдности* (*никтоже да рыдаетъ убожества, явися бо общее царство*). Божественная благодать одинаково щедра ко всѣмъ, кто только хочетъ быть искреннимъ послѣдователемъ Христовымъ. *Благость* Божія велика: *богатство* ея неистоцимо. *Вѣра* въ Божію благость, вѣра въ І. Христа и Его дѣло—надежный нашъ якорь, при которомъ не страшны никакія бури, никакія волненія; *вѣра наша побѣда, побѣдившая міръ* (1 Іоан. V, 4), вѣра въ Господа даетъ человѣку *вѣчную жизнь* (Іоан. III, 36), право называться и *быть чадомъ Божиимъ* (—I, 12), *спасаетъ* людей (Дѣян. XVI, 30. 31), даетъ имъ *прощєніе грѣховъ и жребій съ освященными* (—XXVI, 18) и проч.

Праздникъ св. Пасхи или Свѣтлаго Христова Воскресенія, устাপовленный св. церковію въ воспоминаніе воскресенія Господня изъ мертвыхъ и—всѣхъ тѣхъ неисчислимыхъ благодѣтельныхъ для насъ послѣдствій, какія съ нимъ непосредственно связаны, естественно пазывается въ «словѣ» св. І. Златоуста *прекраснымъ и свѣтлымъ торжествомъ* (*доброе и свѣтлое торжество*). Дни, которые почему-

либо торжественны для той или иной семьи, обыкновенно выдѣляются ею изъ ряда другихъ, между прочимъ, и обиліемъ и качествомъ яствъ, употребляемыхъ въ теченіи ихъ. День Христова воскресенія изъ мертвыхъ является наиболѣе торжественнымъ по сравненію со всѣми остальными, такъ какъ Господь Своимъ тридневнымъ воскресеніемъ всего болѣе принесъ благъ людямъ,—благъ неизглаголаныхъ и неисчислимыхъ. Въ этотъ день духовная трапеза *отяжена* (*трапеза исполнена*) духовными яствами—плодами искушительныхъ заслугъ Христовыхъ, переполнена въ большей степени, чѣмъ во всякое другое время. На трапезѣ лежитъ большой, тучный, *унитанный телець*, приготовленный исключительно для желающихъ вѣровать во Христа, для нихъ и только для нихъ *«закланый»* и привлекающій къ себѣ всѣхъ сладостью своей плоти, вкушеніе которой доставляетъ имъ обладаніе вѣчною жизнью, и проч. Словомъ, обиліе духовныхъ яствъ—полное! Яствъ хватитъ на всѣхъ желающихъ, сколько бы ни оказалось послѣднихъ. Остается теперь пригласить ихъ къ трапезѣ и къ вкушенію лежащихъ на ней яствъ.

Дѣлается въ «словѣ» подробное приглашеніе принять участіе въ «трапезѣ», обращаемое къ различнымъ лицамъ.

Прежде всего, къ *наслажденію* настоящимъ *прекраснымъ и свѣтлымъ торжествомъ* приглашается всякій, *кто—благодетель и боголюбовъ* (*аще кто благодетель и боголюбовъ, да насладится сего добраго и свѣтлаго торжества*). Это и естественно. Люди, настроенные достоюжнымъ образомъ, ведущіе себя согласно съ велѣніями божественнаго закона, всячески и постоянно проявляющіе и питающіе въ себѣ чистую и крѣпкую любовь къ Богу за всѣ безчисленныя и непрерывныя Его блага, конечно, всего болѣе имѣютъ право принять участіе въ разсматриваемомъ духовномъ торжествѣ, тѣмъ болѣе, что сущность послѣдняго вполне соответствуетъ ихъ настроенію, ихъ свойствамъ и качествамъ: вѣдь они постоянно только и думаютъ о томъ, чтобы воспользоваться плодами искупительнаго дѣла Христова, плодами воскресенія Господня, воспоминаемаго въ день св. Пасхи.

Далѣе приглашается *благоразумный рабъ, радуясь, войти въ радость своего Господа* (*аще кто рабъ благоразумный, да увидеть радуясь въ радость Господа своего*).

Въ данномъ случаѣ св. І. Златоустъ, очевидно, имѣлъ въ виду у себя *притчу* Господню *о талантахъ* (Мат. XXV, 14—30). Въ притчѣ говорится, что какой-то господинъ, *отправляясь въ чужую страну*, передалъ одному изъ своихъ рабовъ пять талантовъ, другому—два и третьему—одинъ, сообразуясь съ ихъ силами, способностями и надѣясь, что рабы съ пользою для него распорядятся ввѣренными имъ талантами. Когда онъ, наконецъ, чрезъ *долгое время* вернулся домой, то естественно *потребовалъ* у рабовъ своихъ *отчетъ* въ довѣренныхъ имъ талантахъ. При этомъ оказалось, что первый и второй рабы—каждый—удвоили свои таланты, а третій, скрывъ свой талантъ въ землю, выкопалъ его по прибытіи домой господина и отдалъ его послѣдному. Два первыхъ раба, оказавшіеся благоразумными, *добрыми и вѣрными*, получили, между прочимъ, приглашеніе отъ своего господина *войти въ его радость* (*войди въ радость господина твоего*); между тѣмъ какъ послѣдній рабъ былъ брошенъ въ *тѣму кромѣшнюю*, въ мѣсто *плача и скрежета зубовъ*. Благоразумное употребленіе рабами ввѣренныхъ имъ талантовъ признано ихъ господиномъ настолько важною съ ихъ стороны заслугою, что они приглашены раздѣлить *радость* своего *господина*, занять за трапезой мѣсто рядомъ съ нимъ. Другими словами: цѣни рабства съ нихъ сняты, имъ дарована свобода, они заняли положеніе наравнѣ съ членами семьи ихъ господина. Участь же нерадиваго оказалась ужасною... Благоразумный рабъ Христовъ—тотъ, конечно, кто дорожить данными ему отъ Бога способностями и силами, а также находящимся въ его распоряженіи временемъ и, мудро распредѣляя послѣднее, усиленно и постоянно заботится о нормальномъ, въ христіанскомъ смыслѣ, развитіи и укрѣпленіи первыхъ, чтобы, ведя себя такимъ образомъ, все болѣе и болѣе подвигаться впередъ по пути къ нравственному самоусовершенствованію, а чрезъ то и—къ вѣчному небесному блаженству. Такой рабъ раздѣлитъ на небѣ трапезу со своимъ Господиномъ, сядетъ около Него и не будетъ уже рабомъ, но свободнымъ, *чадомъ Божіимъ*... Злоупотреблявшіе же и временемъ, и своими способностями, и дарованіями... будутъ, конечно, изгнаны изъ небеснаго чертога, будутъ брошены въ геенну огненную (Мо. XXV, 34. 41. 46 и др.). Впрочемъ естественно, что если кто, такъ именно *благоразумный рабъ* имѣетъ всѣ права на то, чтобы

быть приглашеннымъ *насладиться добрымъ и свѣтлымъ торжествомъ*, о которомъ говорится въ разсматриваемомъ нами словѣ; именно этотъ рабъ всего болѣе имѣеть право быть призваннымъ *войти съ радостью въ радость своего Господа*.—*Благоразумный рабъ*, конечно, *благочестивъ и боголюбивъ* и, наоборотъ, *благочестивый и боголюбивый* человѣкъ, разумѣется, есть въ то же время и *благоразумный Христовъ рабъ*.

Пусть получитъ нынѣ динарій тотъ, кто постился до утомленія, весьма усиленно и усердно (*аще кто потрудится постяся, да воспріиметъ нынѣ динарій*). Св. І. Златоустъ и здѣсь, очевидно, пользуется евангельскою притчею, въ частности, притчею *о работникахъ въ виноградникъ* (Матѣ. XX, 1—16), которые были наняты *хозяиномъ* послѣдняго — каждый — за *динарій*¹⁾ въ *день* (—1. 2. 13). Празднику св. Пасхи уже во времена св. Златоуста предшествовала постъ св. Четыредесятницы. Усиленно постясь въ теченіи послѣдняго, христіане такимъ образомъ приготовлялись къ встрѣчѣ величайшаго христіанскаго праздника. Всякій, кто въ этомъ смыслѣ приготовился къ встрѣчѣ послѣдняго, кто постился съ большимъ усердіемъ и ревностно, тотъ имѣеть заслуженное имъ право на плату (ср. Матѣ. X, 10), на полученіе даваемого за работу «цѣльнаго дня» динарія, на участіе въ настоящемъ свѣтломъ Христовомъ праздникѣ, на участіе въ искунительныхъ плодахъ тридневнаго воскресенія Господа изъ мертвыхъ.

Разъ обратившись къ упомянутой евангельской притчѣ, св. І. Златоустъ пользуется ею и далѣе, приспособляя ея содержаніе къ преслѣдуемымъ имъ въ своемъ пасхальномъ «словѣ» цѣлямъ,

Рабочій день, предполагается, состоитъ изъ двѣнадцати часовъ. Одни работники и были наняты хозяиномъ виноградника на все это время—каждый за динарій (см. выше). *Около третьяго часа* дня хозяинъ снова вышелъ *на торжище* и, нанявъ стоявшихъ здѣсь *праздно* людей, отослалъ ихъ въ свой виноградникъ. Плата не была точно назначена.

¹⁾ Динарій—«серебряная монетная римская единица». Впервые появилась въ „269 г. до Р. Хр. Цезарь первый помѣстилъ на лицевой стороне монеты свое изображеніе. Динарій Цезаря вѣсилъ 3,90 грамма и содержалъ 98%—99% чистаго серебра („Брокг.—Ефрона Энциклоп. Словарь“, вып. 13; стр. 382—383; 1893 г.). Таковъ былъ вѣсъ динарія и его качество при І. Христѣ.

Хозяинъ только пообѣщалъ дать имъ, *что будетъ слѣдовать* (—1—4 ст.). *Тогда сдѣлалъ* онъ и *около шестого и девятого часа* (—5) и, *наконецъ, около одиннадцатаго* (—6—7). По оканчаніи дневной работы была произведена уплата слѣдовавшихъ за трудъ работниковъ денегъ, причемъ сначала получили плату — одинъ динарій — нанятые позже остальныхъ; послѣ всѣхъ были рассчитаны *пришедшіе* на работу *первыми*. И они получили по динарію. Видя, что хозяинъ *сравнивалъ* ихъ, *перенесшихъ тягость дня и зной*, съ работавшими *однѣ* только *часъ*, они сочли себя обиженными и — расчетъ *насправедливымъ*. Однакожъ, хозяинъ разъяснилъ *одному изъ нихъ*, что ихъ ропотъ неоснователенъ, такъ какъ ими получена условленная плата сполна. Что же касается запоздавшихъ работниковъ, то онъ — хозяинъ — *властенъ* дать имъ, что хочетъ. Не должно быть первымъ работникамъ *завистливыми отъ того, что онъ — добръ*. *Такъ*, заключилъ онъ, *будутъ послѣдніе первыми и первые послѣдними; ибо много званныхъ, и мало избранныхъ* (—8—16), мало надлежащимъ образомъ отвѣтившихъ на обращенный къ нимъ призывъ...

Обращаясь къ приглашаемымъ имъ къ участію въ настоящемъ торжествѣ, св. І. Златоустъ говоритъ: *если кто трудился*, работалъ, начиная съ *перваго часа* рабочего дня, тотъ *пусть получитъ сегодня заслуженный имъ долгъ*, заслуженную плату (*аще кто отъ перваго часа дѣлалъ есть, да приметъ днесь праведный долгъ*), такъ какъ онъ выполнилъ все, что отъ него требовалось заключеннымъ имъ съ *Хозяиномъ* договоромъ. *Если же кто пришелъ послѣ третьяго часа, пусть празднуетъ* и онъ, *чувствуя и выражая благодарность* Тому, Кто не отвергъ его, не смотря на его опозданіе (*аще кто по третіемъ часѣ придетъ, благодаря да празднуетъ*), не смотря на то, что онъ работалъ не больше трехъ четвертей дня. *Если кто успѣлъ явиться лишь послѣ шестого часа, пусть нисколько не впадаетъ въ сомнѣніе, потому что ничего не теряетъ* (*аще кто по шестомъ часѣ достигше, ничтоже да сумнится, ибо ничимже отщетавается*). Милость *Владыки* проявляется такимъ образомъ, все сильнѣе и нагляднѣе: работавшимъ только половину дня обѣщается, что имъ *безпокоиться не о чемъ*, такъ какъ, не смотря на поздній ихъ приходъ, они не потеряютъ ничего по сравненію съ тѣми, кто пришелъ

раньше ихъ. Даже болѣе: *если кто опоздалъ явиться и въ девятый часъ, пусть приступитъ, нисколько не колеблясь*, оставивъ всякую нерѣшительность, раздвоеніе въ мысляхъ (*аще кто лишися и девятого часа, да приступитъ ничтоже сумняся, ничтоже бояся*). Въ очажь милостиваго Владыки даже и столь поздній приходъ работника, пропустившаго три четверти рабочаго времени, самъ по себѣ не имѣеть значенія и не повлечетъ за собой какихъ-либо для опоздавшаго убытковъ, ущербъ. Наконецъ, *пусть не убоится* по поводу своего замедленія и тотъ, кто *успѣлъ* явится *только въ одиннадцатый часъ* (*аще кто точію достиже и во одиннадцатый часъ, да не устрашится замедленія*). Повидимому, столь поздно явившемуся работнику, прозѣвавшему почти весь трудовой день, уже не на что было рассчитывать, такъ какъ съ его стороны не было сдѣлано почти ничего. Однакожъ, и ему внушается, чтобы не страшился послѣдствій своей медлительности, въ силу которой онъ, праздно проведеній почти весь день, едва не пропустилъ и послѣдняго трудового часа. Почему, однако, онъ можетъ оставаться спокойнымъ, не смотря на свою неаккуратность, на свою праздность, медлительность и проч.? *Потому, что Господь—щедръ (любостивъ бо сый владыка...)*, великодушень и благу. Его щедрость, Его благодать—безмѣрны и покрываютъ собою все. Что значить для Его благодати: пришелъ-ли кто къ первому часу, или седьмому, или десятому и проч.? *Онъ принимаетъ послѣдняго, какъ и перваго (пріемлетъ послѣдняго, якоже и перваго)*; какъ если бы и тотъ, и другой трудились одинаковое количество времени, одинаково переносили и зной, и усталость... *Онъ успокоиваетъ того, кто пришелъ въ одиннадцатый часъ, какъ и того, кто трудился, начиная съ перваго часа (успокоиваетъ въ одиннадцатый часъ пришедшию, якоже отъ перваго часа)*; для Него дорогъ послѣдній, но дорогъ также и первый. *Онъ проявляетъ Свою милость и къ послѣднему, къ тому, кто пришелъ позже другого, и угождаетъ первому, успокоиваетъ его (и послѣдняго милуетъ, и первому угождаетъ)*: того милуетъ по свойственной Ему благодати и любви къ человѣчеству, этого успокоиваетъ, имѣя въ виду его продолжительный и тягостный трудъ. *И тому даетъ, дарить, и этому дѣлаетъ пріятное, угождаетъ (и оному даетъ, и сему дарствуетъ)*; тому—опять въ силу Своей безконечной доброты, а этому

опять во вниманіе къ его подвигамъ и усердію. *Онъ и дѣла принимаетъ, и къ намътреніямъ* не относится съ пренебреженіемъ, *привѣтствуя* и ихъ; *и дѣла цѣнитъ, и къ хорошему умыслу, къ хорошему рѣшенію* только сдѣлать что-либо *относится съ похвалою* (*и дѣла приемлетъ, и намътреніе цѣлуетъ, и дѣланіе почитаетъ, и предложеніе хвалитъ*). Все, даже и малѣйшее нравственно-доброе проявленіе и обнаруженіе наше, цѣнится благимъ и милосердымъ Богомъ.

Естественно возникаетъ вопросъ: кого именно падлежитъ разумѣть подъ пришедшими на трудъ съ перваго часа, послѣ третьяго, послѣ шестого, послѣ девятаго и, наконецъ, въ одиннадцатый часъ и приглашаемыми проповѣдникомъ къ участию въ настоящемъ *прекрасномъ и свѣтломъ* христіанскомъ торжествѣ? Данная притча Господня разнообразно понимается и толкуется, начиная съ давнихъ временъ. Для насъ въ настоящемъ случаѣ остальные ея толкованія, разумѣется, не имѣютъ особаго значенія; для насъ важно, какъ понимаетъ дѣло самъ св. І. Златоустъ. Съ его пониманіемъ знакомимся изъ его LXIV Бесѣды на Евангеліе Матоея ¹⁾, такъ какъ въ разсматриваемомъ нами пасхальномъ словѣ какихъ-либо разъясненій онъ не дастъ. «Виноградъ», — говоритъ св. отецъ въ указанной Бесѣдѣ, — это — «повелѣнія и заповѣди Божіи; время дѣланія — настоящая жизнь; дѣлатели — тѣ, кои различнымъ образомъ были призываемы къ исполненію заповѣдей Божіихъ; утро же, третій, шестой, девятый и одиннадцатый часы — различные возрасты пришедшихъ и получившихъ одобреніе за труды свои». Что значить, что одни дѣлатели завидовали другимъ и даже роптали на *Владыку*? «Въ царствѣ небесномъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы производилъ такіе споры и жалобы, и быть не можетъ. Ибо тамъ нѣтъ мѣста ни зависти, ни рвенію. Если святые и въ настоящей жизни полагаютъ души свои за грѣшниковъ, то, видя ихъ наслаждающихся уготованными благами, они тѣмъ болѣе радуются и почитаютъ это собственнымъ блаженствомъ». Что же за «цѣль» настоящей притчи? «Та, чтобы сдѣлать ревностнѣйшими людей, которые въ глубокой старости переменяютъ образъ жизни и дѣлаются лучшими, и чтобы освободить ихъ отъ того мнѣнія, будто они ниже другихъ (въ царствѣ не-

¹⁾ См. „*Иже во святыхъ Отца нашего Іоанна Златоустаго Бесѣды на Евангеліе Матоея*“. Русское 6-е изд.; Москва, 1887 г.; ч. III-я. Стр. 86—105.

бесномъ). Посему то Господь и представляетъ, что другіе съ огорченіемъ смотрятъ на ихъ блага, не для того, чтобы показать, будто они истаеваютъ отъ зависти и терзаются, но чтобы увѣрить, что и поздно обратившіеся удостоятся такой чести, которая можетъ породить въ другихъ зависть. Итакъ, притча сказана какъ для тѣхъ, кои въ первомъ возрастѣ жизни своей, такъ и для тѣхъ, кои въ старости и позже начали жить добродѣтельно: для первыхъ, чтобы они не возносились и не упрекали тѣхъ, кои пришли въ одиннадцатый часъ; для послѣднихъ, чтобы они познали, что и въ короткое время можно все пріобрѣсть. Чтобы возжечь въ людяхъ пламя любви и сдѣлать волю ихъ твердою, Онъ показываетъ, что и послѣ пришедшіе могутъ получить награду за цѣлый день. Впрочемъ, Онъ не говоритъ сего, чтобы они опять не возгордились, но показываетъ, что все это есть дѣло Его челоувѣколюбія, по которому и они не будутъ отвергнуты, но будутъ удостоены вмѣстѣ съ другими неизреченныхъ благъ. И это—главная цѣль притчи»¹⁾...

Итакъ, проповѣдникъ приглашаетъ насладиться настоящимъ свѣтлымъ Христовымъ торжествомъ и тѣхъ, кто обратился ко Христу и ведетъ нравственно-добрую жизнь, начиная съ первыхъ лѣтъ своего земного бытія,—и тѣхъ, кто въ данномъ случаѣ провелъ въ религіозномъ невѣденіи и грѣховно цѣлую четверть своей жизни, лишь по минованіи ея только вступивъ въ лоно Христовой церкви и, такимъ образомъ, ставъ на единственно-надежный и единственно-вѣрный путь ко спасенію, — и тѣхъ, кто нежелательнымъ образомъ провелъ цѣлую половину своей жизни, и тѣхъ, кто пробудился къ новой, христіанской жизни лишь по истеченіи трехъ четвертей назначеннаго ему Богомъ земного вѣка,—и, наконецъ, тѣхъ, кто позналъ божественную истину и сталъ поступать въ согласіи и соотвѣтствіи съ нею лишь на закатѣ своихъ дней. Что одни изъ нихъ всю жизнь проводили въ исполненіи божественной воли, тогда какъ другіе лишь самую незначительную часть прожитыхъ ими дней и т. д., это не должно возбуждать въ первыхъ кичливости, горделиваго чувства, а въ послѣднихъ — печали и скорби, потому что Господь благъ и любвеобиленъ; Онъ высоко цѣнитъ смиреніе, съ какимъ смотрятъ на свое поступаніе послѣдніе, для Него

¹⁾ Ibid.; стр. 94. 95. 96. 97. 98.

дороги не только дѣла, но даже и одни чистыя, нравственно-добрыя памѣренія чловѣка, его внутреннее только настроеніе, для Него важны именно эти особенности, съ какими чловѣкъ служить Ему, а не продолжительность этого служенія сама по себѣ...

Сознаніе такого рода истины, внушаемой проповѣдникомъ слушателямъ, дѣлаетъ послѣднихъ въ высшей степени радостными, возбуждаетъ въ нихъ настроеніе, вполне гармонирующее съ настоящимъ великимъ праздникомъ. Да и какъ могло быть иначе? Что иное они могли бы чувствовать, слыша слова проповѣдника, представляющія собою *обобщеніе* сказаннаго имъ раньше по вопросу объ участникахъ въ великомъ христіанскомъ торжествѣ: *итакъ, войдите всѣ въ радость Господа нашего, и первые и вторые получите награду (тѣмже убо увидите вси въ радость Господа своего: и первымъ и вторымъ мзду примите)*, получите «равную всѣ» ¹⁾, такъ какъ Господь нашъ безконечно любвеобиленъ и милосердъ, и не питаете другъ къ другу какихъ-либо завистливыхъ чувствъ; сегодня — великое торжество Господне, сядьте всѣ съ радостью около своего Владыки, раздѣлите Его пиръ, не думая о томъ, что не всѣ вы одинаково долго потрудились въ дѣлѣ служенія Ему. Здѣсь нѣтъ первыхъ и послѣднихъ, равно какъ нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Въ обыденной жизни между богатыми и бѣдными проявляется замѣтное различіе во многихъ отношеніяхъ: богатые сплошь и рядомъ кичатся своимъ богатствомъ, какъ если бы оно было какимъ-либо особымъ достоинствомъ, а бѣдные часто стыдятся своей бѣдности не меньше, чѣмъ — проступковъ и пороковъ; тѣ и другіе обыкновенно держатся особнякомъ... Въ настоящемъ же случаѣ видимъ не то: *богатые и бѣдные, говоритъ проповѣдникъ, возвеселитесь, вмѣстѣ другъ съ другомъ возликуйте (богатіи и убогіи другъ со другомъ ликуйте)*. Предъ Богомъ всѣ равны: всѣ дороги Ему — Отцу и Создателю, такъ какъ всѣ — Его творенія, Его *члн*. Въ виду величайшей голгооской Жертвы, принесенной ради насъ, можемъ ли мы изъ-за какого-то матеріальнаго, скоропреходящаго и тлѣннаго богатства допускать нелѣпую рознь между собою и особенно въ столь великій христіанскій праздникъ?! *Почтите этотъ день не только воздержныя, но и*

¹⁾ Ср. указ. „*Бесѣду*“ св. I. Злат.; стр. 94.

перадивые въ нравственномъ отношеніи, *лѣнныя* (*воздержницы и лѣнныи день почитите*). День — настолько великъ по значенію воспоминаемаго и приурочиваемаго къ нему событія, что даже и самые безпечные люди должны страхнуть съ себя свою нравственную лѣнь и принять участіе въ торжествѣ, которое должно быть обще-христіанскимъ. Всякій, въ комъ не наступила еще нравственная смерть, въ комъ нравственная потребность еще не подавлена окончательно, въ комъ голосъ нравственнаго чувства еще хоть сколько-нибудь слышенъ, конечно, долженъ откликнуться и откликнется на призывъ проповѣдника. День настолько радостенъ и великъ, что приглашаются въ «словѣ» къ веселью не только лица, въ постѣ проводившія дни св. Четыредесятницы, но и лица не постившіяся, встрѣтившія праздникъ безъ надлежащаго къ нему приготовленія: *постившіеся и непостившіеся, возрадуйтесь, возвеселитесь сегодня (постившіиися и непостившіиися возвеселитесь днесь)*. Въ виду важности праздника, въ который воспоминается величайшее и недомыслимое проявленіе божественной любви къ людямъ, въ виду этой послѣдней, проповѣдникъ находитъ возможнымъ снисходительно отнестись въ этотъ день къ лицамъ, небрегающимъ о своемъ нравственномъ благосостояніи, о своемъ вѣчномъ спасеніи и потому, вопреки призыву церкви, нежелавшимъ постомъ и другими соединенными съ нимъ подвигами должно очистить свою внутреннюю храмину для введенія въ нее тридневно воскресшаго Спасителя. Въ столь торжественный день и ради него все прощается людямъ, все забывается, что бы худого они ни совершили: все блѣднѣетъ предъ божественною любовью и все ею покрывается. Всѣ другіе счеты и расчеты отброшены; праздничная радость наполнила собою всѣ помыслы людей, не оставивъ мѣста ни для чего другого. Итакъ, *всѣ насладитесь переполненною плодами великаго Христова дѣла трапезою (трапеза исполнена, насладитесь вси); пусть никто не выходитъ изъ-за стола юлоднымъ (никтоже да изыдетъ алмай)*, потому что плоды тѣ настолько велики и такъ ихъ много (*телець упитанный, большой, тучный, откормленный*), что пищи хватить на всѣхъ пирующихъ, сколько бы ихъ ни явилось; никому не будетъ отказа. Словомъ, спасеніе дано всякому стремящемуся къ нему; было-бы только это стремленіе, а остальное дано сегодня воскресшимъ Господомъ. *Всѣ насла-*

дѣйтесь пиромъ вътры (все насладитесь пира вътры), тѣмъ пиромъ, который уготовала намъ наша вѣра въ дѣло Христово и его великое искупительное значеніе, — пиромъ, обильнѣе котораго не найти другого пиршества, — пиромъ, на которомъ предлагается единственно здоровая и питательная духовная пища, дающая вкушавшему ее вѣчную, бессмертную жизнь на небѣ. *Всѣ насладитесь богатствомъ божественной благодати* (все воспріимите богатство благодати), особенно пынѣ проявившейся наиболѣе удивительнымъ и неизреченнымъ образомъ. — За все это Господу нашему *слава и держава* (сила, владычество) *во вѣки вѣковъ, аминь*.

Такимъ образомъ, рассматриваемое «пасхальное огласительное слово» св. І. Златоуста, при всей его краткости, весьма содержательно. Въ качествѣ исходнаго для себя пункта предполагая бѣдственное состояніе унаслѣдовавшаго прародительскій грѣхъ (со всѣми его плодами) человѣчества, проповѣдникъ, какъ было показано выше, говорить, что послѣднее исцѣлено и уврачено *нынѣ* воскресимъ Спасителемъ нашимъ, Который, помимо всего прочаго, ниспровергъ силу и могущество ада, плѣвившаго людей, — сокрушилъ власть смерти, поражавшей все человѣчество безъ всякой пощады, — низложилъ грѣхъ, положилъ начало новому царству, члены котораго становятся *члдами Божіими* по благодати, и проч. Отсюда настоящій праздникъ, въ который воспоминается воскресеніе Христово изъ мертвыхъ, подтвердившее собою значеніе всего дѣла Господня, весьма важный и особенно радостный, почему къ участию въ наслажденіи имъ затѣмъ и призываются проповѣдникомъ сначала тѣ или иныя отдѣльныя лица, а потомъ и всѣ вообще безъ исключеній люди, кто-бы и каковы-бы они ни были... Такая содержательность этого «слова», въ краткихъ выраженіяхъ исчерпывающаго и раскрывающаго весь смыслъ праздника св. Пасхи, дѣласть его далеко не похожимъ на «фрагментъ» (т. е., отрывокъ, обломокъ), какъ о немъ — «словѣ» — отзывается, напр., Монфоконь, а по его примѣру и другіе ¹⁾. Это «слово» — фрагментъ лишь для такихъ его

¹⁾ Migne „Patrolog. curs. comp.“; ser. Gr. ; tom. LIX (1862 ann.): „Τὸ ἐν ἀγίοις Πατρὶς ἡμῶν Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χριστοστόμου τὰ εὐρισκόμενα πύλαι“. Tomus octavus. Pp. 721--722: „qui primus occurrit sermo brevissimus, fragmentum est“... Сказанное Монфокономъ

цѣнителей, которые первое достоинство даннаго рода произведеній усматриваютъ въ ихъ внѣшнемъ объемѣ, какъ будто бы послѣдній здѣсь играетъ особо существенную роль. Но такихъ цѣнителей принимать въ расчетъ было бы странно. Для тѣхъ же цѣнителей, которые ищутъ въ «словѣ» прежде всего содержанія, разсмотрѣнное нами «слово», конечно, не фрагментъ, а стройное и цѣльное произведеніе ²⁾), оставляющее въ читателяхъ и слушателяхъ его неотразимо-чарующее впечатлѣніе и радующее, бодрящее ихъ духъ, окрыляющее ихъ твердыми надеждами на ясное уже будущее и проч.

II.

Вотъ — почему данное «слово» и читается въ нашихъ православныхъ храмахъ во время пасхальной утрени. Никакое другое не могло бы замѣнить его съ такимъ успѣхомъ: при изумительной содержательности, оно не менѣе изумительно кратко, чтѣ для присутствующихъ, утомленныхъ предшествовавшимъ постомъ, усиленными молитвами и подвигами въ теченіи страстной недѣли, наконецъ, почнымъ бодрствованіемъ на день св. Пасхи, — подъ вліяніемъ охватившаго ихъ радостнаго восторга страстно желающихъ слушать не чтеніе, а пѣніе и — пѣть самимъ, — весьма важно. Въ честь творца этого слова непосредственно за чтеніемъ послѣдняго поется «тропарь святаго» (т. е., І. Златоуста) (см. «Послѣдованіе во святую и великую недѣлю Пасхи... Москва; 1891 г.; листъ 23-й).

Чтеніе «слова» св. І. Златоуста практикуется въ православной церкви давно. Съ какою именно времени оно введено, сказать, конечно, трудно и даже невозможно при наличности имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ. Наши литургисты, говорящіе о богослужебномъ чинѣ настоящаго времени, обыкновенно не задаются такого рода вопросомъ (думаемъ: по невозможности точно рѣшить его, не могущей бросать на нихъ ни малѣйшей тѣни), а вмѣсто этого

(см., напр., его изд. отъ 1728 г.; Parisiis; tom. octavus: „Ioannis Chrysostomi... opera omnia... Opera et studio D. Bernardi de Montfaucon; pag. 249) и перепечатанное Минемъ и проч. повторяется обыкновенно и другими на Западѣ, а отчасти и у насъ.

²⁾ Сравн. между проч., цитов. статью въ „Христ. Чт.“; стр. 485...

ограничиваются только констатированіемъ того обстоятельства, что слово св. І. Златоуста: «*аще кто благочестивъ*»... читается въ храмахъ въ извѣстный моментъ пасхальной утреди ¹⁾). Естественно не задаемся и мы желаніемъ рѣшить что либо въ родѣ поставленнаго выше вопроса. Наша задача—самая скромная: мы имѣемъ въ виду сдѣлать лишь нѣсколько историческихъ справокъ касательно употребленія златоустовскаго слова въ православныхъ храмахъ во время пасхальной службы — и только.

На основаніи нѣкоторыхъ повѣйшихъ изысканій, изслѣдованій и открытій, сдѣланныхъ почтенными представителями литургической науки, можемъ съ твердостью повторить высказанную нами выше мысль—о *давности* чтенія Златоустовскаго слова во время пасхальнаго богослуженія православной церкви. Пойдемъ по восходящей линіи, стараясь по возможности все болѣе и далѣе углубиться въ древніе христіанскіе вѣка. Отмѣтимъ при этомъ наиболѣе выдающіеся моменты.

Проф. А. А. Дмитріевскій въ своемъ изслѣдованіи: «*Богослуженіе въ русской Церкви въ XVI в.*» (часть I; Казань; 1884 г.) говоритъ, что «въ XVI вѣкѣ главнымъ регуляторомъ богослуженія въ нашей церкви былъ іерусалимскій уставъ», который устранилъ собою дотолѣ преобладавшее у насъ влияніе «устава студійскаго, явившагося на Русь вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства» ²⁾). Излагая чинослѣдованіе пасхальной утреди, проф. А. А. Дмитріевскій, между прочимъ, говоритъ, что послѣ христосованія «начинаетъ игуменъ читати слово: «Павлова уста, Христова уста, Христова же уста, Павлова уста, уста Златоуста, Христова и Павлова уста» — «Аще кто благочестивъ и боголюбивъ»... ³⁾). При этомъ проф. ссылается ⁴⁾ на «*Тинк. св. Варсонофія*» (отъ 1554 г. по 1556 г.) ⁵⁾, на «*Триод.* изд. (М.) 1591 г.»

¹⁾ Сравни, напр., о. К. Никольскаго: «*Пособіе къ изученію Устава Богослуженія правосл. церкви*» изд. 2-е; Спб. 1865 г.), гдѣ почитанный авторъ, между прочимъ, говоритъ: «...послѣ цѣлованія читается слово св. І. Златоустаго на Пасху» (стр. 602)...; «въ день Пасхи, послѣ пасхальныхъ стихиръ читается слово св. І. Златоустаго» (стр. 328). См. П. Лебедева: «*Наука о Богослуженіи православной Церкви*» (ч. 2-я; 1895 г.), гдѣ читаемъ: «послѣ цѣлованія читается слово св. Златоуста» (стр. 70). См. также и у извѣстныхъ *другихъ* изслѣдователей.

²⁾ У проф. А. А. Дмитріевскаго см. II—III стр. 11.

³⁾ Ibidem; стр. 229.

⁴⁾ Ibid.; подстр. 6-е примѣчан.

⁵⁾ Ibid.; стр. VII; подстр. 1-е примѣчан.

и друг. и, наконецъ, на «*Сербск. Часосл.* изд. (Краков.) 1491 г.» (слѣдоват., уже XV-го вѣка). Итакъ, «огласительное слово» св. І. Златоуста читалось во время пасхальной утрени въ православныхъ храмахъ уже въ разгаръ господства у насъ устава іерусалимскаго, который *вообще* «у насъ началъ входить въ употребленіе» со «второй половины XIV-го» еще «вѣка» ¹⁾. Но, что это «слово» имѣло указанное свое употребленіе и въ болѣе раннюю еще эпоху, не подлежитъ сомнѣнію. «Съ половины XI-го вѣка», по словамъ проф. И. Д. Мансветова ²⁾, «появляется полная запись студійскаго устава» (ср. *объ употребленіи его на Руси* въ нашей статьѣ нѣсколько выше), «извѣстная подъ именемъ патріарха Алексія» ³⁾. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ, что послѣ бывающаго во время пасхальной утрени «цѣлованія»... «чтется слово... Златоустца на св. пасху, ему же начало: иже кто благочестивъ и Христолюбивъ» ⁴⁾. Такимъ образомъ, мы поднялись къ довольно раннему времени. Въ данномъ случаѣ представляетъ для насъ интересъ еще «уставъ константинопольскаго неизвѣстнаго монастыря», извѣстный нашему времени. «Этотъ», по словамъ архим. (еп.) Сергія, «весьма замѣчательный, безъ сомнѣнія, единственный во всей Россіи уставъ находится въ московской синодальной типографской библіотекѣ (подъ № 1206). Срезневскій, по письму, относить его къ XII вѣку. Онъ можетъ быть отнесенъ и къ XI вѣку, какой вѣкъ и показанъ на рукописи другимъ цѣпителемъ древности... Этотъ уставъ весьма сходенъ со студійскимъ» ⁵⁾. Въ данномъ типографскомъ уставѣ также упоминается о чтеніи во время пасхальной утрени («послѣ цѣлованія») «игуменомъ» «слова: иже кто благочестивъ и бо-

¹⁾ *Архим. (нынѣ еписк.) Сергія* „Полный мѣсяцесловъ Востока“, т. I „восточная агиологія“ (Москва; 1875 г.); стр. 137.

²⁾ *И. Д. Мансветовъ:* „Церковный Уставъ (типикль), его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви“ (1885 г.; Москва); стр. 113—114.—*Этотъ студійскій уставъ*, между прочимъ, извѣстель „по синодальной рукописи № 330“. *Проф. Е. Е. Голубинскій:* „Исторія русской Церкви“, томъ I-й; періодъ первый: *кіевскій или божитольскій*; вторая половина тома; Москва; 1881 г.]. *Архим. (еписк.) Сергія*, впрочемъ, относить этотъ „студійскій уставъ“, помѣщенный въ „синодальной рукописи № 330“, къ „XII вѣку“ (см. цитов. сочин. арх. Сергія; указанный томъ; *Приложенія къ нему*: стр. 38).

³⁾ Онъ „занималъ константинопольскую кафедру съ 1025 по 1043 г.“ (*Мансвет.*; стр. 115).

⁴⁾ *Арх. Сергія*; *ibid.*, стр. 41 (*Приложенія*). *Проф. Е. Е. Голубинскій:* *ibid.*; стр. 659. *Проф. И. Д. Мансветовъ*; *ibid.*; стр. 150.

⁵⁾ *Арх. (еп.) Сергія*; *ibid.*, стр. 120—121.

голюбивъ»...¹⁾. — Въ «краткой записи студійскаго устава (ὁπο-
 τῶσις)», происхождение которой падаетъ на время «прибли-
 зительно между половиною IX-го и X-го вѣка»²⁾, къ сожа-
 лѣнью, нѣтъ рѣчи³⁾ о чтеніи даннаго златоустовскаго слова⁴⁾;
 говорится только, что «по окончаніи утрени бываеъ цѣлова-
 ніе и отпусть»⁵⁾. Нѣтъ⁶⁾ той рѣчи и въ «начертаніи устава
 пр. Аѳанасія⁷⁾ (ум. въ 980 г.)⁸⁾, гдѣ читаемъ только слѣ-
 дующее: «по окончаніи же утрени бываеъ цѣлованіе, щи
 пѣніи братіями: *Христосъ воскресе*. Потомъ читаетея: *Воскрѣ-
 сенія день*. Затѣмъ тотчасъ же эктєнія и отпусть»⁹⁾. Нѣтъ¹⁰⁾
 той же все рѣчи и въ «синайскомъ канонарѣ IX вѣка — въ
 чинѣ, бываемомъ на утрени Пасхи»...¹¹⁾. Впрочемъ, всѣ та-
 кого рода умолчанія могутъ быть возмѣщены изъ другого
 источника. Въ «Приложеніи» къ «Праздославному Собесѣд-
 нику» за 1888 г. началъ печататься трудъ неутомимаго прѣф.
 А. А. Дмитріевскаго: «*Богослуженіе скоростной и пасхаль-
 ной седмицъ въ св. Іерусалимѣ по усаву IX—X вѣка*»¹²⁾.
 Въ этомъ трудѣ изданъ памятникъ, найденный профессоромъ
 въ Іерусалимѣ¹³⁾. Въ данномъ «памятникѣ», по словамъ его
 издателя, «мы имѣемъ весьма важный отрывокъ устава іеру-
 салимской церкви въ древнѣйшее время, отъ котораго мы не
 имѣли доселѣ никакого слѣда существованія этого устава»¹⁴⁾.
 Происхождение памятника относится къ болѣе глубокой древ-
 ности, чѣмъ IX-й или X вѣка»¹⁵⁾. «Мы», говоритъ проф. А.
 А. Дмитріевскій, «склонны даже думать, что въ этомъ памят-

¹⁾ Ibid.; *Приложенія*; стр. 41.

²⁾ Проф. И. Д. Мансветовъ; *ibid.* стр. 98.

³⁾ Говоримъ, — насколько знакомитъ насъ съ „ὁποτῶσις“ арх. (еп.) Сергій.

⁴⁾ Проф. И. Д. Мансветовъ; стр. 149—150. *Арх. (еп.) Сергій*; *ibid.*; *При-
 ложенія*; стр. 42. 43.

⁵⁾ У арх. (еп.) Сергій; *ibid.*; стр. 43 (: 1-й столбецъ) *Приложе-
 нія*.

⁶⁾ Говоримъ опять. — насколько знакомитъ насъ съ „начертаніемъ
 устава пр. Аѳанасія“ высокочтимый арх. (еп.) Сергій.

⁷⁾ Арх. (еп.) Сергій; *ibid.*; *Приложенія*; стр. 42. 43.

⁸⁾ Проф. И. Д. Мансветовъ; *ibid.*; стр. 98.

⁹⁾ Арх. (еп.) Сергій; *ibid.*; *Приложенія*; стр. 43 (: 2-й столбецъ).

¹⁰⁾ Говоримъ и здѣсь постольку, поскольку вѣстъ знакомитъ съ этимъ
 „канонаремъ“ арх. (еп.) Сергій.

¹¹⁾ *Архим. (еп.) Сергій*; *ibidem*; см. *Приложенія*; стран. 43. 44 (на стр.
 44 чит.: „...и послѣ цѣлованія весь народъ: *Аллилуя*. Священникъ—
 эктєнію и отпусть“).

¹²⁾ Книга окончена печатаніемъ въ 1894 мѣ году (ср. стран. 426-ю).

¹³⁾ См. „*Богослуж. скоростной и пасх. седмицъ*“... проф. А. А. Дмитріев-
 скаго; стр. 10.

¹⁴⁾ *Ibidem*; стран. 5.

¹⁵⁾ *Ibidem*; стран. 14.

никѣ имѣемъ дѣло съ чинами VII и VIII вв., такъ какъ на это даетъ намъ право сопоставленіе этихъ чиновъ съ александрійскою хроникою V-го в. и другими источниками глубокой христіанской древности»¹⁾). И вотъ въ этомъ, столь древнемъ памятникѣ, находимъ, между прочимъ, такое мѣсто: ...«патріархъ» (во время пасхальной утрени) ...«читаетъ слово Іоанна Златоуста (*ἀναγνώσκει τὸν λόγον Ἰωάννου τοῦ Χρυσόστομου*) громогласно: *Аще кто благочестивъ и боголюбивъ, да насладится добрато (καλῆς) сего и свѣтлаю (λαμπρᾶς) торжества (πανηγύρεως)*. Потомъ переводить²⁾ это слово второй изъ діаконовъ на арабскій языкъ, дабы имѣли утѣшеніе и не знающіе греческаго языка, и была бы радость, веселіе и торжество всякому народу — малому и великому. Когда патріархъ окончитъ слово и переведетъ его второй изъ діаконовъ»... и проч.³⁾. Такимъ образомъ, уже въ тѣ древ-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ «Обстоятельныя и любопытныя свѣдѣнія относительно настоящаго обычая», — говоритъ проф. А. А. Дмитріевскій (ibid.; стран. 415—416; примѣчан. 127-е), — «сообщаетъ намъ паломница конца IV-го вѣка» [ср. у проф. А. А. Дмитріевскаго же ibid., стр. 424. См. также «Православный Палестинскій Сборникъ»; 20-й выпускъ (Сиб. 1869), т. е., т. VII, выпускъ 2-й, гдѣ помѣн. памятникъ: «Peregrinatio ad loca sancta saeculi IV exeuntis edita, rossice versa, notis illustrata ab Joh. Romialowsky: Паломничество по св. мѣстамъ конца IV в., изд., переведенное и объясненное И. В. Помяловскимъ»; стр. IV] «Сильвія Аквитанская» (у проф. А. А. Дмитріевскаго: стр. 415; въ «Правосл. Палест. Сборникъ»: стр. IV—VIII)... «Такъ какъ въ этой мѣстности часть народа знаетъ по-гречески и по-сирійски, часть только по-гречески, другая только по-сирійски», — читаемъ у Сильвіи Аквитанской, «то епископъ, хотя бы и зналъ по-сирійски, говоритъ, однако, всегда по-гречески, и никогда не говоритъ по-сирійски. И потому всегда стоитъ пресвитеръ, который, когда епископъ говоритъ по-гречески, переводитъ по-сирійски, чтобы понимали всѣ, что толкуется, также и чтенія, которыя читаются въ церкви: и такъ какъ необходимо читать по-гречески, то всегда стоитъ лицо, переводящее по-сирійски, ради народа, чтобы онъ постоянно поучался. И чтобы не смущались тѣ изъ латинянъ, которые здѣсь находятся, и которые не знаютъ ни по-гречески, ни по-сирійски, объясняется и имъ, такъ какъ есть братья и сестры, знающіе по-гречески и по-латыни, которые толкуютъ имъ по-латыни»... («Правосл. Палест. Сборн.»: ibid.; стран. 170—171; русскій переводъ; стран. 69—70; латинскій т. См. также у проф. А. А. Дмитріевскаго; цитов. примѣчан. на стр. 415—416 его книги: «Богослуж. страсти. и пасх. седм.»...). «Отмѣченный путешественницею обычай»... говоритъ проф. А. А. Дмитріевскій, — «побудилъ іерусалимское духовенство всѣ чтенія изъ Вѣблин и изъ св. отцевъ перевести на сирійскій языкъ и положить ихъ наряду въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ. Такихъ двуязычныхъ рукописей встрѣчается очень много въ бібліотекахъ патріарха іерусалимскаго въ Іерусалимѣ и патріарха александрійскаго въ Каирѣ, съ несомнѣнными указаніями на ихъ богослужебное употребленіе въ практикѣ мѣстныхъ церквей» (см. у проф. А. А. Дмитріевскаго; цитов. примѣчан.).

³⁾ Проф. А. А. Дмитріевскій: ibid., стр. 191 (русск. перев.); стр. 190 (греч. текстъ).

нія времена «слово» св. І. Златоуста читалось во время служенія пасхальной утрени. Словомъ, мы дошли, *быть можетъ*, даже до VII—VIII-го вѣковъ. Подняться выше не имѣемъ возможности, такъ какъ въ нашемъ, по крайней мѣрѣ, распоряженіи нѣтъ никакихъ для этого данныхъ, какъ усердно, повидимому, мы ихъ ни искали. Не нашли мы этихъ данныхъ и въ новомъ (колоссальномъ) трудѣ проф. А. А. Дмитриевскаго: *Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока. Томъ I. Топка. Часть первая. Памятники патриаршихъ уставовъ и ктиторскіе монастырскіе типиконы*» (Кіевъ. 1895 г.)¹⁾. Не найдя здѣсь указаній, на основаніи которыхъ мы могли бы заключить объ употребленіи златоустовскаго слова во время пасхальной утрени *раньше* намѣченнаго выше періода, т. е., VII—VIII вѣковъ, мы нашли подтвержденіе положенія о чтеніи этого «слова» (при совершеніи указанной службы) въ позднее, сравнительно съ только что упомянутыми вѣками, время. Таковы, напр., вѣка XIII-й (см. у проф. А. А. Дмитриевскаго «*Типиконъ 1292 г. Ватиканской бібліотеки № 1877 г.*»; стр. 887), XII-й (см. *ibid.* «*Синаксарь или Типиконъ константинопольскаго Евергетидскаго монастыря по рукописи VII в. № 788 бібліотеки Аѳинскаго университета*»; стр. 559) и друг... Такъ какъ св. І. Златоустъ умеръ въ началѣ V-го вѣка (въ 407 г.)²⁾, то, слѣдовательно, совершенно темными остались для насъ приблизительно вѣка два. Это—сравнительно не слишкомъ ужъ большой періодъ. Тѣмъ не менѣе на вопросъ: *когда въ частности* упомянутое чтеніе златоустовскаго слова *впервые* вошло въ богослужбное употребленіе, — точно отвѣтить не можемъ.

Но, говорятъ *нѣкоторые*, данное «слово» принадлежит не св. І. Златоусту, а кому-то другому. Такимъ образомъ, возникаетъ новый вопросъ: вопросъ о подлинности рассмотрѣннаго нами «слова». — Издатель твореній св. І. Златоуста *Монфоконъ*³⁾ помѣстилъ послѣднее въ отдѣлѣ, озаглавленномъ

¹⁾ Документы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не восходятъ (по заявленію достопочтеннаго ихъ издателя) выше IX-го вѣка.

²⁾ „*Patrologie*“. Von Otto Bardenhewer, Freiburg im Breisgau. 1894. S. 312.

³⁾ Заглавіе изданія см. выше.

у него: «Spuria», т. е., въ отдѣлѣ, куда имъ выдѣлены сочищенія, по его мнѣнію, *подложныя, поддѣланныя*, въ дѣйствительности не принадлежащія этому св. отцу христіанской церкви. Въ предисловіи къ тексту даннаго пасхальнаго огласительнаго слова у Монфокона читаемъ, что послѣднее — «не достойный Златоуста фрагментъ»¹⁾ — не болѣе того (fragmentum..., non Chrysostomo dignum). Въ немногихъ словахъ, какъ видимъ, введено серьезное, однако, обвиненіе. Впрочемъ, оно вполне голословно и уже по одной этой причинѣ не внушаетъ къ себѣ особеннаго довѣрія. При ближайшемъ же пропикновеніи въ его сущность, оно прямо оказывается страннымъ. И, *во первыхъ*, что «слово» это не фрагментъ, въ которомъ нѣтъ цѣльнаго развитія и раскрытія той или иной главной мысли, но гдѣ нашель мѣсто лишь пѣкоторый обрывокъ только такого раскрытія, прерваннаго въ началѣ или срединѣ... и проч., — объ этомъ уже было говорено нами выше, и снова возвращаться къ тому-же не будемъ. *Во вторыхъ*, что рассматриваемое огласительное слово — будто бы «не достойно» св. І. «Златоуста», это заявленіе не можетъ быть признано справедливымъ, потому что въ «словѣ» нѣтъ ниодного элемента, который бы уполномочивалъ на подобное заключеніе. Напротивъ, все въ немъ — достойно этого великаго отца христіанской церкви. Содержаніе «слова», его главныя, основныя мысли и ихъ раскрытіе въ «словѣ», — все это, какъ мы видѣли, поражаетъ своей высотой, своимъ полнымъ соотвѣтствіемъ истинному евангельскому духу, — все это могло бы сдѣлать честь кому угодно. Итакъ, эту сторону дѣла надлежитъ оставить. Быть можетъ, Монфоконъ разумѣетъ языкъ и вообще «наружную» сторону «слова»? Едва ли, однако, онъ правъ и въ этомъ отношеніи. Языкъ «слова» и все вообще внѣшнее его построеніе не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо несообразностей и вообще такихъ особенностей, которыя сами по себѣ могли бы говорить что либо *противъ* принадлежности «слова» св. І. Златоусту, хотя, съ другой стороны, въ языкѣ

¹⁾ Въ парижск. изд. 1728 г. см. том. 8. Здѣсь въ отдѣлѣ, озаглавленномъ (р. 515): „Spuria opera multa, quae S. Iohanni Chrysostomo a variis adscripta fuere“. см. р. 250 (текстъ „слова“: „Κατὰ ἑγγύχως εἰς τὸ ἄγιον πνεῦμα sermo catecheticus in sanctum Pascha“) и р. 249 (предисловіе, касающееся даннаго „слова“). У Миша том. 8-й перепечатанъ въ LIX томѣ его „Patrologiae curs. compl.“; см. pp. 721—722 (предисловіе къ данному „слову“) и pp. 721—724 (текстъ „слова“).

«слова» и вѣншей его сторонѣ нѣтъ ничего также и такого, что само по себѣ говорило бы и *въ пользу* принадлежности «слова» этому св. отцу. Словомъ, данный моментъ самъ по себѣ ничего не можетъ ни отрицать, ни утверждать. Не говоримъ уже о томъ, что искусныя поддѣлки и подражанія при случаѣ могутъ слутать и сбить съ прямой дороги когούгодно... Прибавимъ, между прочимъ, что самъ Моифокошъ не отрицаетъ нѣкоторыхъ достоинствъ за даннымъ «словомъ», когда ставитъ ¹⁾ его выше другихъ, непосредственно дальше имъ же печатаемыхъ, подложныхъ сочиненій св. І. Златоуста (разумѣемъ семь «словъ» на св. Пасху ²⁾). Это послѣднее обстоятельство, конечно, не лишено, въ свою очередь, значенія... — *Въ-третьихъ*, болѣе или менѣе *прямыхъ* свидѣтельствъ древности и, при томъ, сколько-нибудь *достоверныхъ*, которыя такъ или иначе *утверждали бы*, что разсматриваемое нами «слово» принадлежить *не* св. І. Златоусту, а кому-либо иному, мы не знаемъ; думаемъ, что ихъ не знаютъ и другіе. А между тѣмъ, то обстоятельство, что данное «слово» упоминается, какъ принадлежащее именно св. І. Златоусту, въ указанныхъ нами выше «памятникахъ», не исключая и относящагося, быть можетъ, къ VII—VIII-му вѣкамъ, служить, наоборотъ, довольно существеннымъ доказательствомъ подлинности «слова». Очевидно, было какое-либо основаніе пріурочивать послѣднее, т. е. «слово», къ личности св. І. Златоуста, какъ его автора. Въ тѣ времена, сравнительно близкія къ эпохѣ этого св. отца церкви, рѣшеніе даннаго вопроса, опиравшееся, напр., на устномъ преданіи и подобныхъ основаніяхъ, могло быть и болѣе легкимъ, и, конечно, болѣе, чѣмъ въ позднее время, устойчивымъ, болѣе правдоподобнымъ. Правда, мы не имѣемъ у себя подъ руками иныхъ еще, сравнительно съ отмѣченными выше, данныхъ, чтобы надежно удостовѣриться въ подлинности разсматриваемаго нами «слова», но, если для сухого ума тѣхъ данныхъ, быть можетъ, кажется и мало, то для нашего сердца, имѣющаго предъ собою голосъ церковной «практики» за многіе вѣка, увѣряющій, что «слово» — златоустовское, — тѣхъ данныхъ представляется вполне достаточно, и пополненія ихъ не требуется. Итакъ,

¹⁾ См. цитов. предисловіе его къ пасхальн. огласит. „слову“, гдѣ читаемъ, что послѣднее „*melioris... notae, quam sequentes, qui a scriptore non indocto quidem, sed admodum intricato profecti sunt*“.

²⁾ См. у Моифок. по изданію Миня въ цитов. томѣ рр. 723—756.

мы считаемъ и будемъ считать разсмотрѣнное «слово» принадлежащимъ св. І. Златоусту или, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ оснований оспаривать принадлежность его послѣднему, пока кто-либо *ослзательно* не убѣдитъ насъ въ противномъ, что, однако, сдѣлать не такъ то легко, какъ это представляется Монфокоу и К^ю. Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, а прекрасныя, намѣченныя раньше, качества «слова» останутся несомнѣнными и неприкосновенными во всякомъ случаѣ.

Александръ Бронзовъ.

27 апрѣля 1897 г.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**